ПОМНИ,
ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ
ИГРА...

КАРАВАЛЬ

СТЕФАНИ
ГАРБЕР

Бестселлер New York Times

Young Adult. Мировой бестселлер

Стефани Гарбер

Караваль

«Эксмо»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гарбер С.

Караваль / С. Гарбер — «Эксмо», 2017 — (Young Adult. Мировой бестселлер)

ISBN 978-5-04-160279-6

Легендарное шоу, куда желает попасть каждый. Любовь, что окрыляет душу. Связь двух сестер, которую нельзя разорвать. Скарлетт никогда не покидала остров Трисду, где жила с сестрой и жестоким отцом. С детских лет она хранила в сердце заветную мечту: попасть на легендарный Караваль – шоу, которое лишь раз в год устраивает таинственный магистр Легендо. Когда девушка вдруг получает пригласительный билет, ее счастью нет предела. Но реальность обманчива. Сон превращается в кошмар. Скарлетт оказывается втянута в опасную игру, где нет места проигравшим. Теперь у девушки есть всего лишь пять ночей, чтобы спасти свою сестру Теллу, иначе та навсегда останется в плену Острова Грёз. Добро пожаловать в Караваль… Мир, где сбываются самые опасные желания!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160279-6

© Гарбер С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Остров Трисда 7
1 7
2 15
3 21
4 26
5 28
6 30
7 37
8 43
Ночь накануне Караваля 49
9 49
10 53
11 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

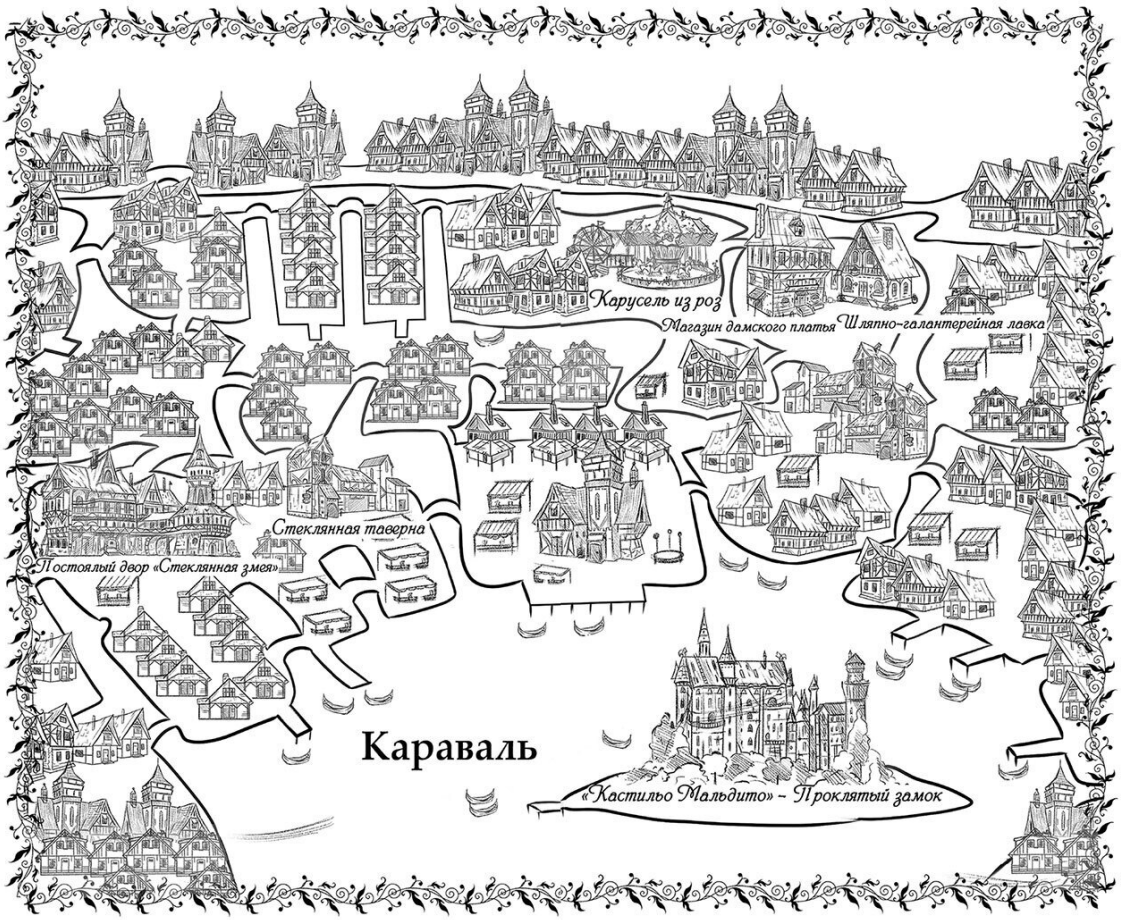
Стефани Гарбер
Караваль

© Димчева Т., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство ISBN «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается маме и папе, благодаря которым я познала суть беззаветной любви

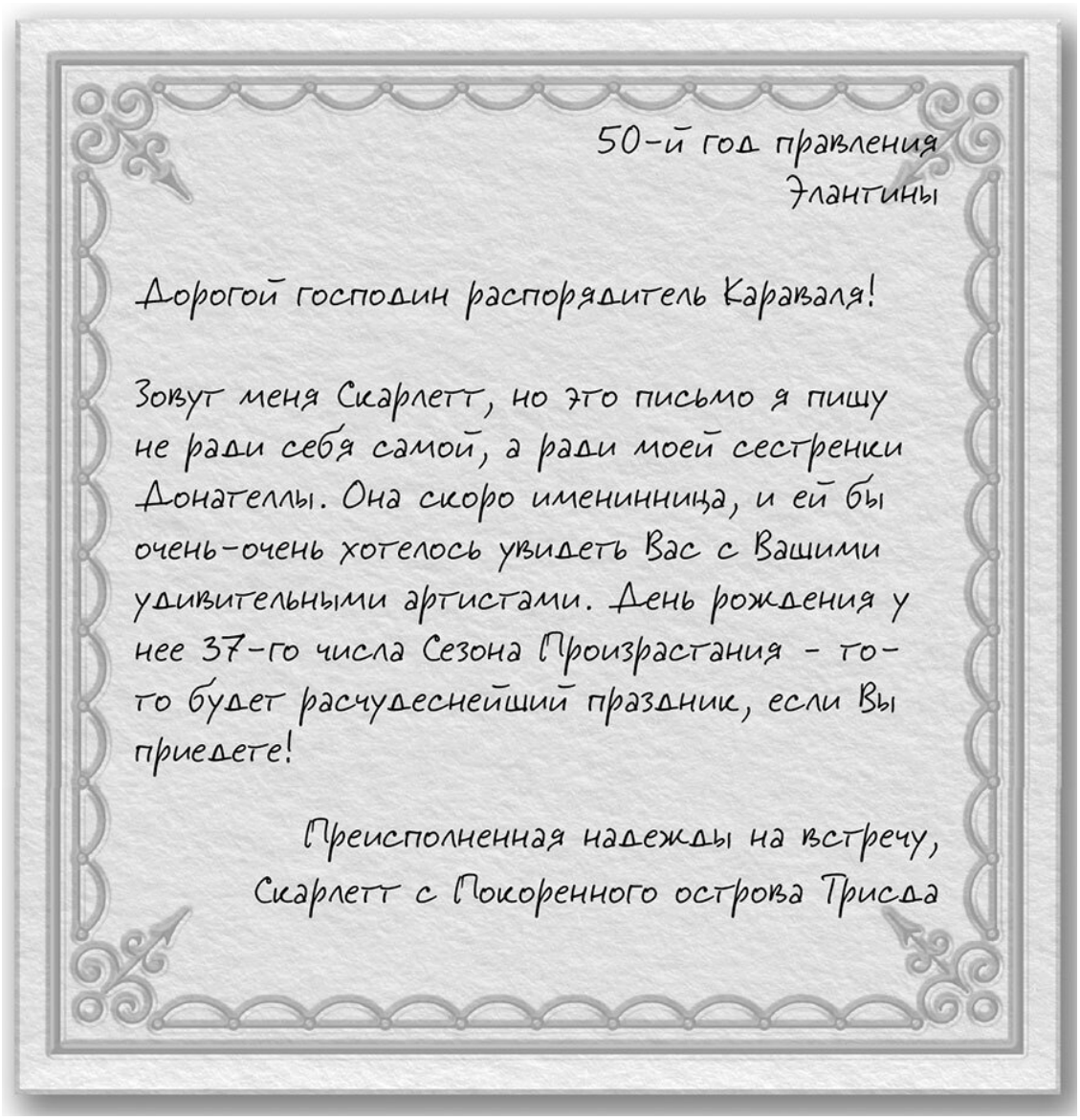
* * *



Остров Трисда

1

Скарлетт потребовалось целых семь лет, чтобы получить ответ на написанные ею письма.



50-й год правления
Элантины

Дорогой господин распорядитель Каравала!

Зовут меня Скарлетт, но это письмо я пишу не ради себя самой, а ради моей сестренки Донателлы. Она скоро именинница, и ей бы очень-очень хотелось увидеть Вас с Вашими удивительными артистами. День рождения у нее 37-го числа Сезона Произрастания – то-то будет расчудеснейший праздник, если Вы приедете!

Преисполненная надежды на встречу,
Скарлетт с Покоренного острова Трисда

51-й год правления
Элантины

Дорогой господин распорядитель Каравала!

Это снова я, Скарлетт. Получили ли Вы мое предыдущее письмо? В этом году сестренка моя говорит, что уже слишком большая, чтобы праздновать день рождения, но, как по мне, она просто огорчилась, что Вы так и не приехали на Присду. Нынче в Сезон Произрастания ей исполняется десять, а мне одиннадцать. Она ни за что не признается, но все еще очень хочет увидеть Вас с Вашими замечательными артистами.

Преисполненная надежды на встречу,
Скарлетт с Покоренного острова Присда

52-й год правления
Элантины

Уважаемый господин распорядитель Каравала
магистр Легендо!

Простите, что в первых двух посланиях
я неверно к Вам обращалась. Надеюсь, Вы
не поэтому к нам не едете. День рождения
моей младшей сестренки — не единственная
причина, по которой я просила Вас привезти
на Трисду Ваших чудесных артистов. Мне
и самой ужасно охота на них поглядеть!
Письмо мое вышло очень коротким, потому
что отец разозлится, коли увидит, что я Вам
пишу.

Преисполненная надежды на встречу,
Скарлетт с Покоренного острова Трисда

52-й год правления
Элантины

Уважаемый господин распорядитель Каравала
магистр Легендо!

До меня только что дошла грустная весть,
и я решила выразить Вам соболезнования. Хоть
Вы пока так и не добрались до Присды и не
ответили ни на одно из моих писем, я знаю,
что Вы не убийца. Мне жаль, что какое-то
время Вы не сможете гастролировать.

С наилучшими пожеланиями,
Скарлетт с Покоренного острова Присда

55-й год правления
Элантины

Многоуважаемый магистр Легендо!

Помните ли Вы еще меня — Скарлетт с Покоренного острова Трисда? Несколько лет минуло с тех пор, как я в последний раз Вам писала. Я слышала, что Вы с Вашими артистами возобновили выступления. Сестра уверяет, якобы Вы никогда не приезжаете в одно и то же место дважды, но с тех пор, как Вы были у нас целых полвека тому назад, многое изменилось. Поверьте, на всем свете не сыскать человека, который хотел бы посмотреть Ваше представление сильнее меня.

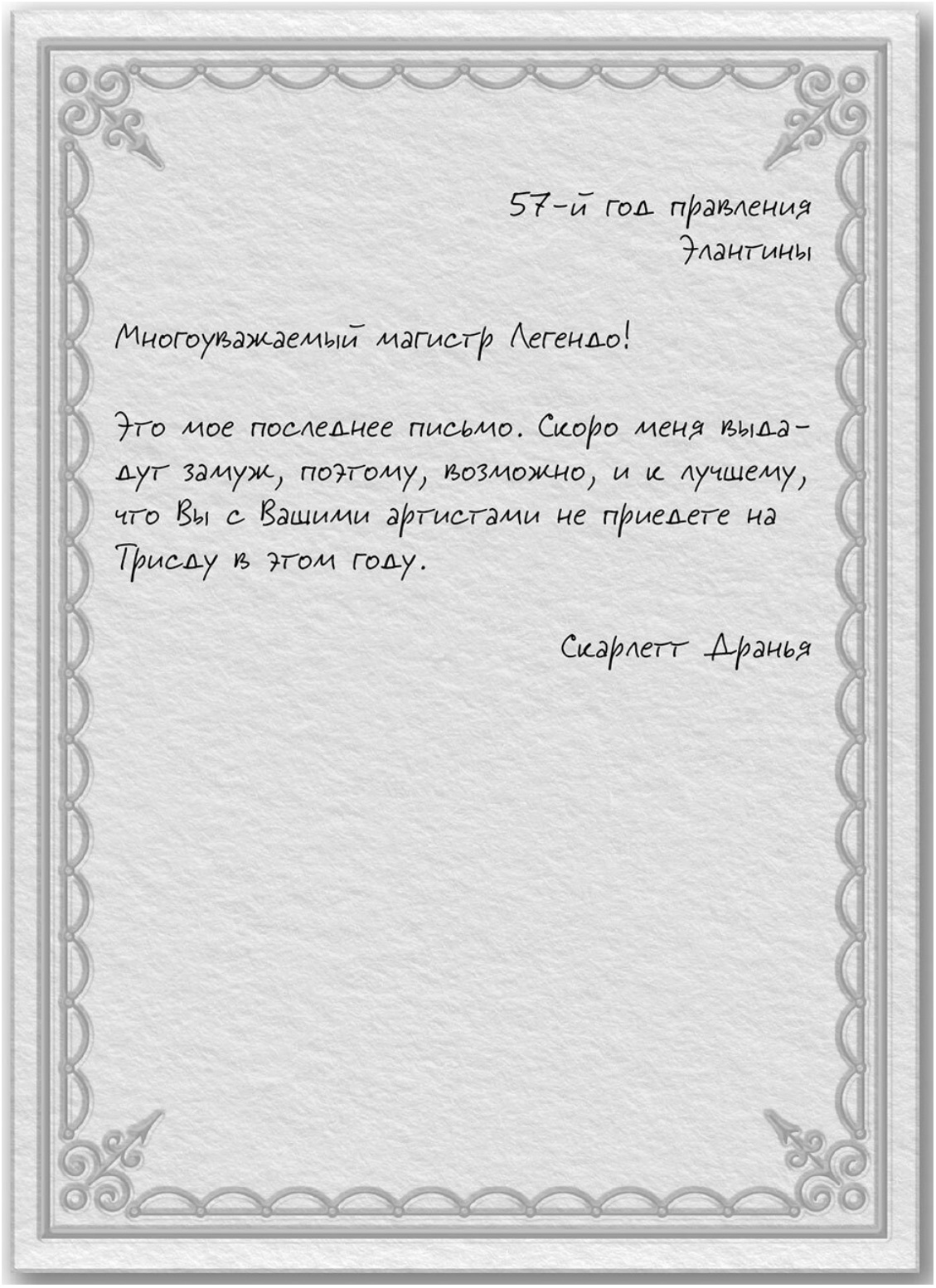
Преисполненная надежды на встречу,
Скарлетт

56-й год правления
Элантины

Многоуважаемый магистр Легендо!

До меня дошли слухи, что в прошлом году Вы почтили визитом столицу Южной империи и изменили там цвет неба. Правда ли это? Мы с сестрой тоже очень хотели бы присутствовать на Вашем представлении, но нам запрещено покидать Присду. Иногда мне кажется, что я вообще никогда никуда не выберусь с Покоренных островов. Вероятно, поэтому мне так отчаянно хочется, чтобы Вы с Вашими артистами приехали сюда. Похоже, бесполезно снова Вас об этом просить, но я все же не теряю надежды однажды Вас увидеть.

Преданная Вам,
Скарлетт с Покоренного острова Присда



57-й год правления
Элантины

Многоуважаемый магистр Легендо!

Это мое последнее письмо. Скоро меня выдадут замуж, поэтому, возможно, и к лучшему, что Вы с Вашими артистами не приедете на Присду в этом году.

Скарлетт Дранья

57-й год правления
Элантины

Дорогая Скарлетт Дранья с Покоренного острова Трисда!

Примите мои поздравления с предстоящим замужеством. К сожалению, я никак не смогу привезти своих исполнителей на Трисду, поскольку в нынешнем году мы не гастролируем.
Допуск на наше следующее представление осуществляется исключительно по пригласительным билетам, однако я буду счастлив увидеть Вас, если Вы с Вашим женихом сумеете покинуть остров и приехать к нам.
Прошу принять прилагаемое в качестве свадебного подарка.

Писано рукой Легендо, магистра Каравала

2

Чувства Скарлетт заискрились куда более яркими, чем обычно, красками: настойчивым красным огнем горящих углей, нетерпеливой зеленью свежей травы, заполошной желтизной оперения хлопающей крыльями птицы.

Наконец-то Легендо ответил!

Снова и снова перечитывала она его письмо, всматриваясь в каждый резкий чернильный росчерк пера и изгибы эмблемы магистра Караваля, отпечатанной на серебристом воске: солнце, внутри которого звезда, а внутри звезды – слезинка. Водяные знаки с тем же символом просматривались и на вложенных в конверт полосках бумаги.

Нет, это отнюдь не чей-то розыгрыш!

– Донателла!

В поисках младшей сестры Скарлетт спустилась в винный погреб, где ее встретили привычные запахи дуба и патоки, а вот Донателлы, этой сорвиголовы, нигде видно не было.

– Телла! Ну, где же ты?

Масляные лампы заливали янтарным светом бутыли с ромом и деревянные бочонки с новым урожаем вина, проходя мимо которых, Скарлетт услышала тяжелое дыхание, перемежающееся со стонами. Похоже, после недавней стычки с отцом Телла хлебнула лишку да и прикорнула тут же на полу.

– Дона… – начала было Скарлетт и осеклась.

– О! Здравствуй, Скар!

Телла одарила сестру беспечной белозубой улыбкой. Губы ее припухли, золотисто-медовые кудри растрепались, шаль соскользнула с плеч.

– Не помешала? – неуверенно пробормотала Скарлетт, увидев, что за талию Донателлу обеими руками обнимает молодой моряк.

– Мы не делали ничего такого, что нельзя было бы начать сначала, – ответил парень с напевным южным выговором, звучащим много мягче резких интонаций Меридианной империи, привычных уху Скарлетт.

Телла захихикала, приличия ради слегка покраснев.

– Скар, ты ведь знакома с Хулианом, да? – спросила она.

– Рад видеть тебя, Скарлетт, – подхватил тот с улыбкой, такой же освежающей и манящей, как островок тени в Сезон Зноя.

Скарлетт понимала, что по правилам вежливости следует ответить что-то вроде: *«И я рада встрече»,* но продолжала думать лишь о руках моряка, все еще обнимающих облаченную в фиолетово-голубое платье фигурку сестры и поигрывающих кисточками ее турнюра, как будто она – сверток, который ему не терпится поскорее развернуть.

Хулиан прибыл на Трисду около месяца назад. Когда он сошел с корабля – высокий, красивый, с золотисто-коричневым загаром – едва ли не все женщины устремили на него взгляды. Сама Скарлетт тоже на мгновение поддалась искушению, но тут же отвернулась.

– Телла, не возражаешь, если я отвлеку тебя на минутку? – Она заставила себя вежливо кивнуть Хулиану, но, стоило им с сестрой, петляя между бочками, отойти от него на достаточное расстояние, прошипела: – Что ты вытворяешь?

– Скар, ты ведь скоро идешь под венец и должна знать, чем мужчина с женщиной занимаются наедине, – игриво толкнув сестру в плечо, ответила Телла.

– Не о том речь. Ты подумала, что будет, если отец вас застукает?

– Подумала и решила не попадаться ему на глаза.

– Пожалуйста, веди себя серьезно! – взмолилась Скарлетт.

– Я серьезна как никогда. Если отец нас поймает, найду способ свалить вину на тебя. – Телла ехидно улыбнулась. – Но, сдается мне, не за тем ты сюда явилась, чтобы об этом поговорить. – Она перевела взгляд на письмо в руках Скарлетт.

В тусклом свете фонаря металлические края листка заискрились золотом – цветом магии и исполнения желаний. Также заблестели и выведенные на конверте буквы:

Сударыне Скарлетт Дранье
Церковная исповедальня
Остров Трисда
Покоренные острова, Меридианная империя

Телла внимательно всмотрелась в переливающиеся на свету строки. Ее неизменно влекло к красоте – к которой причислялся и молодой моряк, все еще ожидающий за бочками. Нередко, не досчитавшись какой-нибудь симпатичной вещицы, Скарлетт находила ее припрятанной в комнате младшей сестры.

Но сейчас Телла не предприняла попытки завладеть конвертом. Она продолжала стоять, вытянув руки вдоль тела, будто послание нисколько ее не интересовало.

– Что это, очередное письмо от графа? – выплюнула она так, словно речь шла о самом дьяволе.

Телла уже не раз нелестно высказывалась о предстоящем замужестве сестры, поэтому вместо того, чтобы выгораживать жениха, Скарлетт решила промолчать. Хотя браки по договору были обычным делом во всей Меридианной империи, и на протяжении нескольких месяцев граф пунктуально присылал своей невесте исполненные учтивости письма, Телла упорно отказывалась понимать, как это сестра собирается замуж за того, кого никогда в жизни в глаза не видела. Однако саму Скарлетт брак с незнакомцем страшил куда меньше, чем перспектива остаться на Трисде до конца своих дней.

– Нуу? – с нажимом произнесла Телла. – Расскажешь ты мне, наконец, что там у тебя такое?

– Письмо не от графа, – отозвалась Скарлетт тихим голосом, не желая, чтобы ее услышал приятель-морячок Теллы. – Оно от магистра Караваля.

– Правда, что ли? Он тебе ответил? – Телла тут же выхватила листок. – Божьи зубы!

– Шшш! – Скарлетт толкнула сестру обратно к бочонкам. – Тебя же могут услышать!

– Такое событие обязательно нужно отпраздновать! – воскликнула Телла, вынимая из конверта три полоски бумаги, водяные знаки на которых вспыхнули в свете ламп золотом, как прежде края письма, а потом приняли зловещий кроваво-красный оттенок. – Ты только посмотри! – ахнула она, когда на одном из билетов проступили завитушки серебристых букв, сложившись в слова: *«Приглашение на одно лицо: Донателла Дранья с Покоренных островов»*.

На втором появилось имя Скарлетт, а на третьем значилось лишь: *«Приглашение на одно лицо»*. Внизу на всех трех билетах было отпечатано название незнакомого сестрам места – *Исла-де-лос-Суэньос – Остров Грёз*.

Скарлетт решила, что безымянное приглашение предназначено для ее жениха и подумала, как романтично было бы отправиться вместе с ним на Караваль сразу после свадьбы.

– Погляди-ка, тут есть еще что-то! – взвизгнула Телла, заметив появившиеся на билетах новые строчки:

> *«Настоящее приглашение дает право однократного прохода на Караваль. Главные ворота будут заперты в полночь 13-го числа Сезона Произрастания 57-го года правления Элантины. Прибывшие позже указанного времени не смогут принять участие в игре, победитель которой получит приз – исполнение одного желания».*

– Да это же всего через три дня! – воскликнула Скарлетт, и яркие цвета ее эмоций поблекли, сменившись привычными серыми всполохами разочарования.

Не стоило ни секунды тешить себя надеждой, что ситуация каким-то образом разрешится в ее пользу. Вот если бы Караваль состоялся через три месяца или хотя бы через три недели – *когда угодно*, лишь бы после ее свадьбы! Отец Скарлетт хранил точную дату торжества в строжайшей тайне, но в ближайшие три дня ее замуж точно не выдадут. Уехать до радостного события не только чрезвычайно опасно, но и, скорее всего, вообще невозможно.

– Ты только погляди, какой в этом году обещан приз – исполнение желания! – мечтательно протянула Телла.

– Мне казалось, ты не веришь, что желания способны исполняться.

– А мне казалось, ты будешь счастлива получить такое приглашение, – парировала та. – Многие люди не остановились бы даже перед убийством, чтобы заполучить эти билеты.

– Почитай-ка внимательно: чтобы попасть на представление, нужно покинуть Трисду! – Как бы сильно Скарлетт ни стремилась увидеть Караваль, ее желание выйти замуж было стократ сильнее. – Чтобы поспеть вовремя, нам, вероятно, пришлось бы отплыть уже завтра.

– А отчего, думаешь, я так взволнована?

Сияние в глазах Теллы разгорелось ярче. Когда она была счастлива, весь окружающий мир расцвечивался радужными красками, и Скарлетт в таких случаях тоже хотелось от души улыбаться и соглашаться с любым предложением сестры, но она хорошо усвоила, что надежда на исполнение желаний может быть иллюзорной и предательски ненадежной.

Ненавидя себя за то, что приходится отравлять Телле радость, но не находя иного выхода – уж лучше это сделает она, чем кто-то другой, – Скарлетт сказала самым твердым голосом, на который была способна:

– Ты что же, в самом деле тут рома напилась? Неужели забыла, что отец сделал в прошлый раз, когда мы пытались убежать с острова?

Телла вздрогнула и на миг превратилась в хрупкую беззащитную девушку, какой, собственно, и являлась подо всей своей напускной бравадой. Но уже в следующую секунду выражение ее лица изменилось, а розовые губки снова изогнулись в вызывающей улыбке.

– Так то было два года назад! Теперь мы стали хитрее.

– И потерять можем куда больше, – стояла на своем Скарлетт.

Телле было проще отогнать воспоминания о том, что произошло, когда они пытались увидеть Караваль в прошлый раз. Скарлетт никогда не рассказывала сестре обо всех тех ужасах, которые сотворил с ней отец, поскольку не хотела, чтобы и Телла жила в страхе и постоянно оглядывалась через плечо, зная, какие еще кошмарные методы имеются в запасе у их родителя, вдобавок к обычным наказаниям.

– Только не говори, что опасаешься расстроить свою свадьбу.

Телла крепче сжала билеты в руке, но Скарлетт тут же выхватила их со словами:

– Осторожнее, не то помнешь по краям!

– Не уходи от ответа, Скарлетт. Неужели и правда за свадьбу переживаешь?

– Разумеется, нет. Ну, сама посуди: завтра нам никак с Трисды не выбраться. Мы же понятия не имеем, где этот остров Грёз находится. Я, во всяком случае, никогда о таком месте не слышала, но уверена, что оно где-то за пределами Покоренных островов.

– Зато я точно знаю, где это, – объявил Хулиан, выступая из-за бочек с ромом.

Его широкая улыбка красноречиво свидетельствовала, что извиняться за подслушанный не предназначенный для его ушей разговор он не собирается.

– Тебя это и вовсе не касается! – рявкнула Скарлетт, пытаясь отогнать его взмахом руки.

Хулиан бросил на нее удивленный взгляд, как будто до сих пор ни одна девушка не удостаивала его подобным поведением.

– Я лишь пытаюсь помочь! Вы двое никогда не слышали об острове Грёз, потому что он не входит в состав Меридианной империи. Вообще ни одной из пяти империй не принадлежит. Исла-де-лос-Суэньос – частное владение *магистра Легендо*, и от Трисды до него два дня плавания. Если хотите, могу доставить вас туда тайком на своем корабле – за определенную плату, конечно.

Хулиан так и впился взглядом в третий билет. Его обрамленные густыми черными ресницами светло-карие глаза, кажется, были созданы исключительно для того, чтобы соблазнять девушек, и Скарлетт вспомнились слова Теллы, что за билеты на Караваль многие люди не остановились бы даже перед убийством. Лицо-то у него привлекательное, но говорит он с южным акцентом, а всем известно, что в Южной империи напрочь отсутствуют закон и порядок.

– Нет, – решительно отказалась Скарлетт. – Это слишком опасно, ведь нас могут поймать.

– Любое наше действие сопряжено с опасностью, – возразила Телла. – Например, нам не поздоровится, если отец застукает нас здесь с этим мальчишкой.

Хулиана явно обидело, что его назвали мальчишкой, но Телла продолжила, не дав ему возможности запротестовать:

– В нашей жизни вообще нет ничего безопасного, но сейчас определенно стоит рискнуть. Ты же всегда мечтала о Каравале, поверяла это желание каждой падающей звезде, а при виде любого входящего в порт судна с замиранием сердца ждала, что по трапу сойдет загадочная труппа магистра Легендо. Тебе сильнее моего хочется поехать.

Глядя на зажатые в руке билеты, Скарлетт вспомнила слова своей бабушки: *«Никакое описание Караваля не сравнится с действительностью. Это не просто представление или игра, но поистине волшебное действо».*

Рассказы о Каравале, которые Скарлетт обожала слушать в детстве, вдруг показались ей самыми что ни на есть настоящими. Сильные эмоции всегда приходили к ней в виде вспышек цвета, и сейчас у нее внутри все окрасилось золотом. На мгновение она позволила себе представить, что в самом деле оказалась на частном острове магистра Легендо, приняла участие в Каравале и выиграла исполнение желания. Перед ней заискрилось обещание свободы, возможности выбора, а также чудес и магии.

Какая красивая, но нелепая фантазия! Пускай же фантазией и остается. В реальном мире желания исполняются не чаще, чем случаются встречи с единорогами, то есть никогда. Будучи маленькой девочкой, Скарлетт свято верила в бабушкины сказки о Каравале, но, повзрослев, позабыла о них, поскольку никогда не находила подтверждений существования магии. Теперь ей казалось, что nana[1] просто выдавала желаемое за действительное, как свойственно пожилым людям.

В глубине души Скарлетт по-прежнему отчаянно хотела окунуться в великолепие Караваля, но точно знала, что даже его магии не по силам изменить ее жизнь к лучшему. Единственным человеком, кто и правда мог это сделать, был ее жених граф, который обещал позаботиться и о Телле тоже.

Больше не освещаемые светом ламп, буквы на пригласительных билетах исчезли, а сами билеты превратились в ничем не примечательные полоски бумаги.

– Телла, нам нельзя так рисковать. Попытайся мы покинуть остров…

Заслышав скрип ведущих в винный погреб деревянных ступеней, сопровождаемый тяжелым топотом башмаков – по меньшей мере, трех пар, – Скарлетт осеклась и бросила встревоженный взгляд на сестру. Та, выругавшись, жестом велела Хулиану укрыться между бочек.

– Прошу вас, не нужно прятаться!

[1] Бабушка (*исп.*).

Спустившись, губернатор Дранья тут же отравил витающие в воздухе ароматы резким запахом своих духов. Скарлетт поспешно сунула письмо и приглашения в карман платья, косясь на следующих по пятам за отцом трех стражников.

– Мы с вами, если не ошибаюсь, не знакомы? – Не обращая внимания на дочерей, губернатор Дранья протянул Хулиану руку, затянутую в перчатку фиолетового цвета – цвета власти и синяков.

То, что он не снял перчатку, было добрым знаком. Само воплощение благовоспитанности и любитель безукоризненных нарядов, сегодня губернатор Дранья щеголял в черном сюртуке и полосатом жилете от лучшего портного. В свои сорок пять лет он, в отличие от ровесников, не заплыл жиром и оставался в прекрасной форме. Согласно последней моде, он зачесывал светлые волосы назад, подвязывая их черной лентой с аккуратным маленьким бантиком, чтобы во всей красе демонстрировать ухоженные выщипанные брови и бородку клинышком.

Губернатор ухитрялся смотреть на Хулиана свысока, хоть и был ниже его ростом. Скарлетт заметила, как отец окинул оценивающим взглядом коричневый бушлат в заплатах и широкие штаны, заправленные в поношенные высокие башмаки.

К чести Хулиана, он уверенно протянул губернатору руку, никогда не знавшую перчаток.

– Рад встрече, сударь. Меня зовут Хулиан Марреро.

– Губернатор Марчелло Дранья. – Мужчины обменялись рукопожатием, и Хулиан попытался высвободиться, но отец сестер продолжал крепко сжимать его ладонь. – Вы, Хулиан, не похожи на жителя моего острова.

На сей раз молодой человек немного замешкался с ответом.

– Вы правы, сударь. Я моряк. Первый помощник капитана на корабле «Эль Бесо Дорадо» – «Золотой поцелуй».

– Вы, значит, проездом, – с улыбочкой заметил губернатор. – Моряков у нас любят, ведь они обогащают казну: немало платят за то, чтобы пристать, и на суше сорят деньгами. А теперь ответьте: понравился ли вам мой ром? – Свободной рукой Дранья указал на бочонки. – Вы же его дегустацией занимались, я правильно понимаю? – Видя, что Хулиан не молчит, губернатор продолжил расспросы с удвоенной настойчивостью: – Неужели он не пришелся вам по вкусу?

– Нет, сударь. То есть, да, конечно, – тут же поправился молодой человек. – Все, что я пробовал, было отменного вкуса.

– Включая моих дочерей? – Скарлетт от этого вопроса вся сжалась, а губернатор между тем продолжил: – От вашего дыхания спиртным не пахнет. И вы уж точно сюда не в карты играть и не молитвы читать спустились. Так ответьте же, которую из моих дочерей вы отведали на вкус?

– Нет-нет, сударь, вы заблуждаетесь! – Хулиан так энергично замотал головой и так округлил глаза, будто у него и в мыслях не было совершить столь непорядочный поступок.

– Это была Скарлетт! – вдруг подала голос Телла. – Я спустилась вниз и застукала их!

Нет! Скарлетт мысленно обругала свою глупую младшую сестру.

– Отец, Телла врет! Все было с точностью до наоборот – это *я* застала их вместе.

Личико Теллы покраснело.

– Скарлетт, не отпирайся, не то хуже будет!

– Я не лгу! Отец, это в самом деле была Телла. Неужели вы думаете, что я сделаю такую глупость всего за несколько недель до свадьбы?

– Отец, не слушайте ее, – снова вмешалась Телла. – Я слышала, как сестра шептала, будто это поможет ей успокоить расшалившиеся перед торжеством нервишки.

– Очередная ложь…

– Прекратите обе! – Губернатор повернулся к Хулиану, чью загорелую руку все еще сжимал в своей ладони, затянутой в фиолетовую надушенную перчатку. – У моих дочерей есть

прискорбное обыкновение не говорить мне правды, но вы, я уверен, не станете кривить душой. Итак, ответьте, молодой человек, с которой из них вы здесь уединились?

– Боюсь, тут какая-то ошибка…

– Я никогда не допускаю ошибок, – категорично заявил губернатор Дранья. – Даю вам последний шанс выложить все, как на духу, иначе…

Стражники дружно шагнули вперед.

Хулиан быстро посмотрел на Теллу, и та, резко качнув головой, одними губами вымолвила: *«Скарлетт»*.

Скарлетт попыталась привлечь его внимание, предостеречь от неверного поступка, но по решительному выражению его лица поняла – это бесполезно.

– Это была Скарлетт, – объявил он.

Безрассудный мальчишка! Он-то, конечно, решил, что оказывает Телле услугу, но в действительности – совсем наоборот.

Губернатор наконец выпустил руку Хулиана и снял свои надушенные перчатки.

– Я же тебя предупреждал, – угрожающе произнес он, обращаясь к Скарлетт. – Тебе отлично известно, что бывает за непослушание.

– Отец, прошу, смилуйтесь! Мы лишь разок поцеловались.

Скарлетт пыталась заслонить собой Теллу, но один из стражников оттащил ее к бочонкам и, схватив за локти, грубо заломил руки за спину, не давая защитить сестру. Все потому, что наказание за проступок должна была понести не Скарлетт. Всякий раз, как одна из дочерей выказывала неповиновение, Дранья жестоко карал вторую.

На правой руке он носил два массивных перстня: один с квадратным аметистом, другой – с заостренным фиолетовым бриллиантом. Перевернув оба камня к ладони, он замахнулся и наотмашь хлестнул Теллу по лицу.

– Отец, нет! Виновата же я! – вскричала Скарлетт, совершив тем самым ошибку, которой лучше бы не делать.

Дранья залепил младшей дочери еще одну оплеуху, пояснив:

– За ложь!

От второго удара, оказавшегося сильнее первого, Телла рухнула на колени. По ее щеке заструились красные ручейки.

Довольный губернатор отступил на шаг, вытерев окровавленную руку о жилет одного из своих стражников, и повернулся к Скарлетт. Он как будто сделался выше ростом, в то время как она сама, наоборот, сжалась от страха. Чиня у нее на глазах расправу над ее младшей сестрой, он причинял ей самой ни с чем не сравнимую боль.

– Не вздумай снова меня разочаровать.

– Молю, простите, отец! Сама не понимаю, как могла так оплошать. – То была чистая правда: хоть Хулиан *попробовал на вкус* вовсе не ее, она не сумела уберечь сестру. – Этого больше не повторится.

– Надеюсь, ты говоришь искренне. – Снова натянув перчатки, губернатор достал из кармана сюртука сложенный листок бумаги. – Возможно, мне не стоило отдавать тебе это письмо, но пусть оно напомнит обо всем том, что ты можешь потерять. Свадьба состоится через десять дней, в конце следующей недели, двадцатого числа. А если бракосочетание сорвется, у твоей сестры будет кровоточить не только лицо.

3

Скарлетт все еще ощущала запах отцовских духов – фиолетовый, под стать цвету перчаток. В нем нотки аниса и лаванды мешались с чем-то неприятным, вроде гнилых слив. Дранья давно ушел, но его запах по-прежнему витал в воздухе, окутывая Теллу. Скарлетт присела рядом с ней в ожидании, когда служанка принесет чистые повязки и снадобье для обработки ран.

– Зря ты не дала мне сказать правду, – пожурила она сестру. – Меня бы он так сильно бить не стал, ведь свадьба состоится всего через десять дней.

– Возможно, он не разукрасил бы твоего лица, но придумал что-нибудь другое, не менее ужасное. Например, сломал бы тебе палец, чтобы ты не успела закончить украсить вышивкой свадебный покров. – Закрыв глаза, Телла откинулась назад и уперлась затылком в бочонок с ромом. Щека ее теперь стала почти такого же цвета, что и треклятые отцовские перчатки. – Кроме того, если кто и заслуживает порки, так это я, а не ты.

– Никто подобного не заслуживает, – возразил Хулиан, впервые заговоривший с тех пор, как ушел губернатор. – Я…

– Не надо, – перебила его Скарлетт. – Твои извинения ее ран не залечат.

– Я и не собирался извиняться, – отозвался он и на какое-то время снова замолчал, будто обдумывая, что сказать дальше. – В общем, я меняю свое предложение. Готов увезти с острова вас обеих, причем бесплатно – если, конечно, захотите отсюда выбраться. Мой корабль отходит завтра на рассвете. Если решитесь, разыщите меня в порту.

Посмотрев сначала на старшую сестру, затем на младшую, он быстро взбежал по ступеням и скрылся из вида.

– Нет! – отрезала Скарлетт, почувствовав, что у Теллы на уме. – Если мы сейчас уедем, то, когда вернемся, станет еще хуже.

– Вовсе я не собираюсь возвращаться! – сверкая глазами, в которых стояли слезы, свирепо отозвалась та.

Порывистый нрав младшей сестренки частенько раздражал Скарлетт, но знала она и то, что Телла ни за что не отступится от задуманного. А бежать – теперь Скарлетт поняла это совершенно отчетливо – та решила еще до того, как пришло письмо от магистра Легендо. Потому-то и миловалась в погребе с Хулианом. Когда он уходил, она не удостоила его ни единым взглядом, следовательно, нежных чувств к нему не испытывает. Просто ей нужен моряк, который увез бы ее с Трисды. А теперь Скарлетт собственноручно подарила ей причину для побега.

– Скар, тебе тоже нужно ехать, – принялась упрашивать Телла. – Знаю, ты думаешь, что, выйдя замуж, заживешь в безопасности, а ну как твой граф окажется таким же, как наш отец, или, чего доброго, еще хуже?

– Не окажется, – стояла на своем Скарлетт. – Ты бы и сама это поняла, если бы прочла его письма. Мой нареченный – настоящий джентльмен и обещал заботиться о нас обеих.

– Ох, сестричка! – Телла печально улыбнулась, как обычно делают люди, стоящие перед необходимостью сообщить нечто, о чем предпочли бы умолчать. – Раз он весь из себя *джентльмен*, к чему вся эта таинственность? Почему тебе даже имя его не называют, а один лишь титул?

– Дело не в нем. Это отец нарочно скрывает, чтобы легче было нас с тобой контролировать. – Именно к такому выводу Скарлетт пришла, прочитав последнее письмо от своего нареченного. – Вот, посуди сама!

И она протянула сестре листок бумаги.

1-й день Сезона Произрастания
57-й год правления Элантины

Драгоценнейшая Скарлетт!

Это мое последнее письмо к Вам. В скором времени я взойду на корабль, чтобы отправиться к Покоренным островам. Ваш батюшка не хотел заранее раскрывать Вам дату свадьбы, но я все же попросил его передать Вам это послание, поскольку наша первая встреча сама по себе станет большим сюрпризом — для меня, не сомневаюсь, приятным, исходя из того, что я о Вас слышал. Сейчас, когда я пишу эти строки, служанки уже готовят покои для Вашей младшей сестры. Надеюсь, вы обе будете очень счастливы в Валенде...

Нижняя часть страницы была оторвана. Отец не только скрыл от дочери слова, которыми ее жених завершил письмо, но и предусмотрительно удалил восковую печать, способную подсказать Скарлетт, за кого она вскоре выйдет замуж.

«Еще одна из причуд извращенного отцовского ума».

Иногда Скарлетт казалось, будто весь остров накрыт огромным стеклянным колпаком, сквозь который губернатор Дранья смотрит на жителей, время от времени передвигая – или даже удаляя вовсе – фигурки тех, кто оказался на неподходящем, по его мнению, месте. Окружающий мир представлялся девушке гигантской шахматной доской, и устройство ее брака являлось важным ходом для ее отца, сделав который, он рассчитывал извлечь для себя немалые преимущества.

Благодаря торговле ромом и другим спекуляциям на черном рынке, губернатор Дранья сделался богаче большинства прочих островных представителей власти. Однако из-за того, что

Трисда была одним из Покоренных островов, ему недоставало желанных его сердцу влияния и уважения. Сколь бы много добра он ни накопил, правители и знать других земель государства им пренебрегали.

Хотя Трисда, равно как и остальные четыре Покоренных острова вошли в состав Меридианной империи более шестидесяти лет назад, ее жители все еще слыли грубыми, невежественными крестьянами, каковыми и являлись, когда имперские войска их только-только поработили. Губернатор Дранья надеялся, что замужество его старшей дочери поможет изменить ситуацию: когда она войдет в аристократическое семейство, на него самого тоже станут смотреть с большим почтением. И уж конечно, этот союз принесет ему больше власти.

– Это письмо ничего не доказывает, – заявила Телла.

– Оно подтверждает, каким добрым и внимательным явл…

– На бумаге любому легко притвориться добрым и внимательным. Ну, сама посуди: иметь дело с нашим отцом может захотеть только такой же отъявленный злодей, как и он сам.

– Не смей так говорить!

Скарлетт выхватила письмо у сестры из рук, убеждая себя, что Телла заблуждается. Даже мягкий аккуратный почерк графа говорит о том, что он истинный джентльмен. Будь он к ней равнодушен, разве стал бы так часто писать, пытаясь развеять ее страхи? Разве пообещал бы забрать обеих сестер в Валенду – столицу государства Элантинов, избавив тем самым от влияния их деспотичного отца?

В глубине души Скарлетт опасалась, что граф может оказаться совсем не таким человеком, какой виделся ей в мечтах, но хуже, чем в родном доме, с ним уж точно не будет. К тому же, ей никак нельзя ослушаться отца, чье зловещее предостережение до сих пор эхом отдавалось у нее в ушах: *«Если бракосочетание сорвется, у твоей сестры будет кровоточить не только лицо»*.

Поэтому Скарлетт ни за что не поставила бы под угрозу предстоящее замужество ради призрачной возможности выиграть исполнение желания на Каравале.

– Телла, – попыталась она образумить сестру, – если мы самовольно уедем с Трисды, отец выследит нас и отыщет хоть на краю света.

– Тогда мы хотя бы увидим этот край света, – возразила та. – Уж лучше я умру на чужбине, чем останусь жить дома или, еще хуже, окажусь запертой в доме твоего графа.

– Ты же на самом деле ничего такого не думаешь! – пожурила сестру Скарлетт.

Она терпеть не могла, когда Телла бездумно бросалась громкими заявлениями, а слова *«Уж лучше я умру!»* так часто слетали с ее губ, что Скарлетт опасалась, не подумывает ли сестра в самом деле о самоубийстве. К тому же Телла, похоже, вообще не принимала в расчет опасности большого мира. Бабушка рассказывала им не только сказки о Каравале, но и истории о молодых женщинах, у которых не было семьи, готовой защитить от бед. Девушки, пытавшиеся самостоятельно найти дорогу в жизни и по неопытности полагавшие, что берутся за достойную работу, попадали в бордели или работные дома, где влачили жалкое существование.

– Ты слишком многого боишься! – заметила Телла, с трудом поднимаясь на ноги – они тряслись так сильно, что едва ее слушались.

– Что это ты задумала?

– Надоело мне ждать служанку, которая битый час станет хлопотать над моим лицом, а потом насильно уложит в постель до самого вечера. – Подняв с пола упавшую шаль, Телла обмотала ее вокруг головы, прикрыв покрытую синяками половину лица. – Чтобы уплыть завтра с Хулианом, мне прежде нужно о многом позаботиться. Для начала известить его о том, что на рассвете я приду в порт.

– Постой! Не делай ничего сгоряча!

Скарлетт бросилась за сестрой, но догнать не успела: Телла проворно взбежала по ступеням и выскочила из винного погреба.

Из-за повышенной влажности воздух на улице был густым точно кисель, и во дворе уже пахло морской солью, как обычно после полудня. Похоже, на кухни уже доставили улов и, блуждая в поисках сестры под облупившимися белыми сводами галерей и вымощенными глиняной плиткой переходами, Скарлетт неизменно ощущала преследующий ее тяжелый рыбный запах.

Губернатор Дранья, похоже, никак не мог удовлетвориться размером своего имения. Находящееся на окраине города оно постоянно расширялось, благо просторная территория вокруг позволяла. Пристраивались новые комнаты для гостей и новые дворы, прокладывались очередные тайные ходы, чтобы удобнее было доставлять контрабандой спиртное и одному богу ведомо что еще. Во многие помещения Скарлетт с Теллой заходить строжайше запрещалось. Если бы отец их поймал, то без колебаний приказал бы хорошенько всыпать по пяткам. Но израненные подошвы ног не шли ни в какое сравнение с карой, поджидавшей сестер, узнай Дранья о готовящемся побеге младшей дочери.

Утренний туман еще не рассеялся, и Скарлетт несколько раз теряла из виду сестру, которая как нарочно выбирала наименее освещенные коридоры. В какой-то момент Скарлетт испугалась, что и вовсе ее не найдет, но тут заметила мелькнувший подол синего платья на лестнице, ведущей к самой высокой постройке имения – церковной исповедальне. Ее сложенная из белого камня башня сверкала сейчас на солнце, видимая из любой части города. Хоть губернатор Дранья и хотел прослыть человеком набожным, на самом деле даже не помышлял признаваться в своих грязных делишках и потому захаживал в церковь крайне редко. Оттого-то ее и облюбовали его дочери для получения тайных посланий.

Ускорив шаг, Скарлетт нагнала сестру на вершине лестницы, оканчивающейся площадкой в виде полумесяца перед резными деревянными дверьми исповедальни.

– Да стой же, наконец! – крикнула она. – Если ты напишешь тому моряку, я все расскажу отцу!

Фигура в синем тут же остановилась и повернулась. Резкий луч солнца прорезал затянутый туманом церковный дворик, явив взору Скарлетт полускрытое платком личико молодой послушницы. Одетая в синее платье, она лишь со спины походила на Теллу.

От неожиданности Скарлетт застыла на месте. Что ж, нужно отдать сестрице должное: от погони она научилась уходить мастерски. Чувствуя, как по шее стекают капельки пота, Скарлетт представила Теллу, ворующую где-то в имении припасы для предстоящего на следующий день плавания с Хулианом.

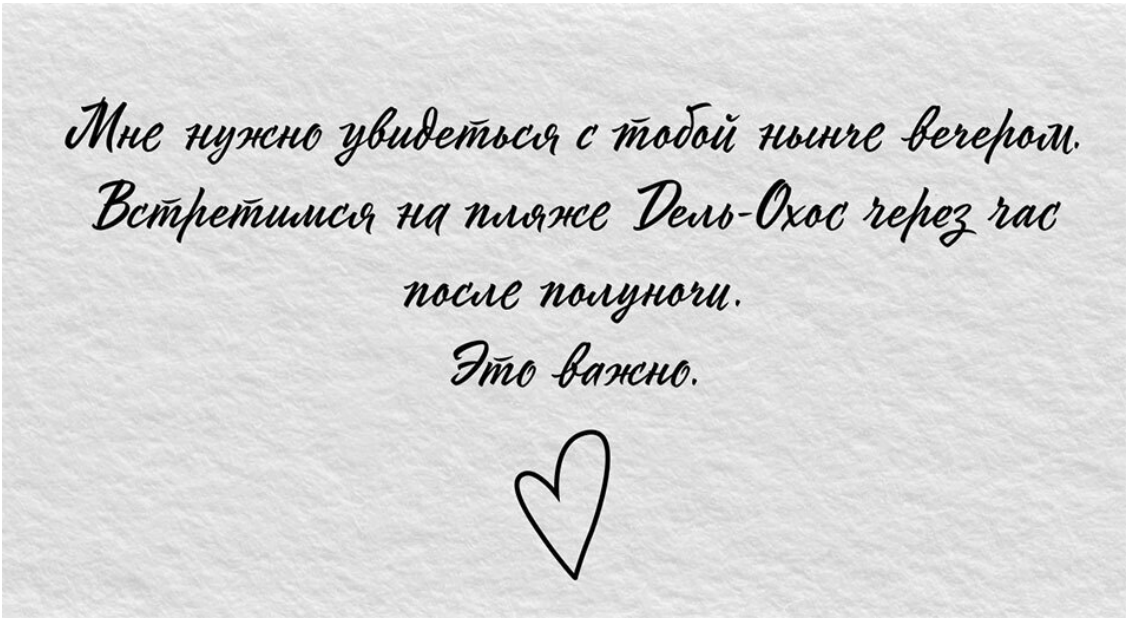
Непременно нужно найти способ расстроить эти безрассудные планы! Пусть даже потом Телла ее возненавидит, нельзя позволять ей пожертвовать всем ради Караваля. Особенно теперь, когда замужество Скарлетт могло бы спасти их обеих – или, наоборот, погубить, в случае если бракосочетание не состоится.

Скарлетт вошла в церковь вслед за молодой послушницей. В маленьком круглом помещении всегда стояла такая тишина, что слышно было, как потрескивает пламя толстых свечей, расставленных вдоль каменных стен. Оплывая горячим воском, они освещали гобелены с вытканными изображениями бьющихся в агонии святых. В воздухе витал затхлый запах пыли и сухих цветов, и у Скарлетт засвербело в носу, когда она шла мимо деревянных скамей к алтарю, на котором лежали клочки бумаги, специально предназначенные для записи своих прегрешений.

До того как семь лет назад исчезла их мама, Скарлетт ни разу в жизни не переступала порога церкви и не знала даже, что, исповедуясь, люди поверяют свои дурные поступки таким листочкам и передают их священникам для сожжения. Супруга губернатора Палома Дранья, так же как и он сам, благочестием не отличалась, но после ее исчезновения с острова дочери

в отчаянии пришли в церковь, чтобы вознести небу молитвы о ее возвращении. Которые, конечно же, услышаны не были, зато выяснилось, что от священников все же можно дождаться кое-какого содействия – они отлично умеют тайком передавать послания.

Вот и сейчас, взяв один из листков для записи грехов, Скарлетт тщательно вывела:



Прежде чем передать записку священнику вместе с щедрым пожертвованием, Скарлетт указала адрес, но подпись ставить не стала, а просто нарисовала сердечко, понадеявшись, что этого будет достаточно.

4

Когда Скарлетт было восемь лет, отцовские стражники, чтобы удержать ее подальше от моря, сочинили пугающую историю про блестящий черный песок пляжа Дель-Охос:

– Черный он потому, что на самом деле это не песок вовсе, а сожженные кости пиратов.

В столь юном возрасте еще не набравшаяся ума-разума Скарлетт им поверила и целый год близко не подходила к берегу. В конце концов Фелипе, старший сын самого мягкосердечного стражника, открыл ей правду, сказав, что песок – это всего лишь песок, а никакой не прах пиратов. Однако ложь, как нередко случается в детстве, уже глубоко укоренилась в душе девочки, и, сколько бы раз ее впоследствии ни пытались переубедить, упорно продолжала считать пляж Дель-Охос кладбищем сожженных пиратских останков.

Сейчас, пробираясь в ночи к скалистой бухте Дель-Охос, освещенной голубоватым светом рябой луны, Скарлетт снова вспомнила ту давнюю ложь, которая, казалось, просачивается вместе с песчинками в ее туфельки и струится между пальцами ног. Справа пляж ограничивал острый черный утес, слева – старый разбитый причал, который вдавался в море и виделся Скарлетт огромным языком в обрамлении неровных зубов-камней. В ночь, подобной этой, она отчетливо ощущала, чем пахнет луна: смесью свечного воска и солью полноводного мерцающего океана.

Посмотрев на тусклый лик ночного светила, Скарлетт подумала о лежащих у нее в кармане таинственных пригласительных билетах, на которых металлическим блеском сверкали письмена. На миг ей даже захотелось изменить решение, поддаться уговорам сестры и собственному внутреннему голосу, уверяющему, что она еще не утратила способность мечтать.

Однако прежде она уже совершала подобную ошибку.

Фелипе купил ей и Телле места на шхуне, и они даже успели подняться на борт, но и за такое недолгое путешествие пришлось заплатить дорогую цену. Один из стражников поволок Теллу обратно в имение так грубо, что она лишилась чувств. А вот Скарлетт, напротив, оставалась в сознании, когда ее тащили прочь с пристани. Ее заставили стоять в прилив у самой кромки каменистого пляжа и наблюдать, как отец топит Филипе в океане, а сверкающие голубоватые волны тем временем лизали ее башмаки.

Лучше бы она сама утонула в ту ночь! Лучше бы *ее* голову отец удерживал под водой до тех пор, пока тело не перестало биться и не обмякло, точно выброшенные на берег мертвые водоросли. Люди поверили, что Фелипе погиб по неосторожности, и только Скарлетт знала правду.

– Если снова выкинешь подобное, твою сестру постигнет та же участь, – предупредил ее тогда отец.

И Скарлетт не сказала ни единой живой душе ни слова. С тех пор она стала оберегать Теллу, позволяя той думать, что просто сделалась чересчур заботливой. На самом деле ей одной было известно, что им никогда не покинуть Трисду живыми, если только их обеих не увезет ее муж.

Бившиеся о берег волны заглушали шум шагов, но Скарлетт все равно их услышала.

– Ты не та сестра, которую я ждал, – сказал Хулиан, подойдя ближе.

В темноте он куда больше походил на пирата, чем на обыкновенного моряка, да и непринужденной легкости его движений едва ли стоило верить. Ночь окрасила его бушлат в чернильно-черный цвет, а тени подчеркнули скулы, уподобив их лезвиям отточенных ножей.

Скарлетт терзали сомнения, разумно ли она поступила, ускользнув из имения на встречу с этим парнем на пустынном берегу в столь поздний час, учитывая, что сама всегда предостерегала младшую сестру от подобной взбалмошности.

– Как я погляжу, ты передумала насчет моего предложения? – спросил Хулиан.

– Нет, но я сама хочу тебе кое-что предложить, – ответила Скарлетт, стараясь, чтобы голос не дрожал, и вытащила из кармана изящные билеты, полученные от магистра Легендо.

Пальцы не хотели их выпускать, и все же придется это сделать – ради Теллы. Ранее сегодня вечером, вернувшись в свою комнату, Скарлетт обнаружила, что там все перевернуто вверх дном. В царящем погроме она не сумела определить, чем именно поживилась младшая сестра, но одно поняла совершенно точно: Телла приворовывает вещи, чтобы обеспечить себя всем необходимым для бегства.

Скарлетт сунула приглашения Хулиану в руки.

– Забирай все три. Воспользуйся ими сам или продай, только уезжай отсюда поскорее и, главное, без Донателлы.

– Ого! Так ты взятку мне всучить вздумала?

Слово «взятка» покоробило Скарлетт, поскольку прочно ассоциировалось у нее с отцом. Но когда речь о Телле, она готова пойти на все, что угодно, даже отказаться от единственной мечты, которая манила ее до сих пор.

– Уж слишком моя сестра порывиста. Она хочет уехать с тобой, не представляя, насколько это опасно. Если отец ее поймает, то учинит расправу куда более страшную, чем та, какой она подверглась сегодня.

– Но будет ли она в безопасности, если останется здесь? – тихим насмешливым голосом спросил Хулиан.

– Я скоро выйду замуж и увезу ее с собой.

– А сама-то она этого хочет?

– Потом она меня за это поблагодарит.

Хулиан улыбнулся по-волчьи, сверкнув в лунном свете белыми зубами.

– Видишь ли, твоя сестра недавно сказала мне то же самое про тебя.

Опасность Скарлетт почувствовала слишком поздно. Заслышав шаги у себя за спиной, она обернулась и увидела Теллу, чья закутанная в темный плащ маленькая хрупкая фигурка сливалась с темнотой ночи.

– Мне жаль так поступать, но ты ведь сама мне внушила, что забота о сестре превыше всего.

Внезапно Хулиан набросил на голову Скарлетт мешок. Как бы отчаянно она ни билась в попытке высвободиться, поднимая ногами клубы песка, мешковина явно была пропитана каким-то дурманящим снадобьем, подействовавшим очень быстро. Все вокруг закружилось, и Скарлетт перестала различать, открыты ее глаза или закрыты.

Она падала, проваливаясь куда-то…

Все глубже…

И глубже…

5

Прежде чем Скарлетт окончательно лишилась чувств, ласковая рука погладила ее по щеке.

– Так будет лучше, сестренка. В жизни есть кое-что поважнее собственной безопасности.

Слова Теллы перенесли Скарлетт в хрупкий мир сновидений. Она оказалась в комнате с множеством окон и услышала бабушкин голос. Рябая луна, подмигивая из-за стекла, заливала голубоватым зернистым светом фигурки двух девочек – самой Скарлетт и Теллы. Крепко обхватив друг дружку крошечными ладошками, они лежали, свернувшись калачиком и сладко посапывая, в одной постели, а бабушка подтыкала им одеяло. Хотя пожилая женщина и стала проводить с внучками куда больше времени с тех пор, как пропала их мать, Скарлетт не могла припомнить другого случая, когда бы та сама укладывала их спать, ведь обычно это вменялось в обязанность служанкам.

– Расскажи нам про Караваль, – попросила маленькая Скарлетт.

– И про магистра Легендо! – тут же подхватила Телла. – Про то, как он получил свое имя!

Бабушка, как на троне, восседала в стоящем у кровати мягком кресле. Одни нити черного жемчуга обвивали ее тонкую шею, а другие, – похожие на роскошные перчатки, – покрывали руки от запястий до локтей. На накрахмаленном платье цвета лаванды ни единой складки, отчего морщины, избороздившие некогда прекрасное лицо, казались еще более заметными.

– Легендо родился в семье артистов по фамилии Сантос, – начала она свой рассказ. – Они и пьесы себе сами писали, и играли в них, но делали это совершенно бездарно. Успехом они пользовались только потому, что были прекрасны, точно ангелы. А один из сыновей, как гласила молва, был краше всех. Теперь он зовется Легендо.

– Это же не настоящее его имя, – возразила Скарлетт.

– Его настоящего имени я тебе назвать не могу, – ответила бабушка. – Скажу только, что, как и все великие и ужасные истории, эта началась с любви. Любви к прекрасной Аннализе, златокудрой и сладкоголосой. Она околдовала Легендо, вскружила ему голову похвалами, поцелуями и обещаниями. И он поверил ей, забыв, что сам в прошлом много раз так же обманывал других девушек.

– Легендо в ту пору еще не разбогател, – продолжала старая женщина, – и жил в основном за счет своего обаяния и умения разбивать сердца. Аннализа уверяла, что самой ей деньги не важны, но вот отец ее, зажиточный торговец, никогда не позволит дочери выйти замуж за нищего.

– Так поженились они или нет? – спросила Телла.

– Узнаешь, если дослушаешь до конца, – строго цыкнула на нее бабушка. Облако, проплывавшее в окне за ее спиной, закрыло луну, оставив лишь два лучика света, сияющих над посеребренной сединой головой, точно рожки. – У Легендо появился замысел, – снова заговорила она. – В то время Элантина должна была вот-вот взойти на трон Меридианной империи, и выступление на ее коронации, как он полагал, принесло бы ему и славу, и деньги, необходимые для женитьбы на Аннализе. Однако его сочли бесталанным и с позором прогнали.

– А я бы его к себе пригласила! – воскликнула Телла.

– И я, и я! – поддакнула сестре Скарлетт.

Бабушка нахмурилась.

– Если не прекратите меня перебивать, не узнаете окончания истории! – пригрозила она, и сестры тут же поджали губки, отчего те стали похожи на крошечные розовые сердечки. Тогда бабушка продолжила рассказ: – Легендо в то время еще не обладал магическими способностями, но свято верил россказням своего отца о том, что якобы каждому человеку может быть даровано исполнение одного неосуществимого желания. Если хотеть чего-то сильнее всех благ

мира, магия поможет это получить. И вот Легендо отправился на поиски женщины, которая умела колдовать.

– Она была ведьмой, правда же? – прошептала Скарлетт.

Бабушка замолчала, а глаза девочек стали огромными, точно блюдца, когда рассказанная история вдруг ожила: стеклянные стены их комнаты превратились в треугольную деревянную хижину со свисающими с потолка перевернутыми вверх дном желтыми восковыми свечами, от фитилей которых сверху вниз шел дым кремового цвета.

В центре комнатки перед женщиной с огненно-рыжими волосами сидел худощавый парнишка в черном цилиндре, поля которого затеняли черты лица. Скарлетт сразу признала и знаменитую шляпу, и ее хозяина – *Легендо.*

– Колдунья спросила, каково его сокровенное желание, – снова заговорила бабушка, – и Легендо ответил, что хочет возглавлять величайшую в мире театральную труппу, дабы завоевать любовь Аннализы. Но женщина предупредила, что нельзя получить и то, и другое, придется выбирать что-то одно. Легендо был не только красив, но и горд, и решил, будто колдунья ошибается. Он уверил себя, что если добьется славы, то и на своей избраннице женится. Вот и пожелал он, чтобы о его представлениях повсюду слагали легенды, чтобы люди считали их магическими.

Внезапно ворвавшийся в комнату ветер задул все свечи, кроме той, что освещала Легендо. Черт его лица Скарлетт по-прежнему не различала, но готова была поклясться, что в его облике что-то изменилось. Он как будто обзавелся второй тенью.

– Превращение началось сразу же, – объяснила бабушка. – Истинные желания Легендо, которые были очень сильны, разожгли магический огонь. Колдунья пообещала, что его представления станут волшебной фантазией, каких свет не видывал, где реальность будет переплетаться с вымыслом. Также она предупредила, что всякое желание имеет свою цену, и чем больше он будет выступать, тем сильнее вживется в исполняемые им роли. Например, если сыграет злодея, то таким и станет в действительности.

– Так он и впрямь сделался злодеем? – ахнула Телла.

– А как же Аннализа? – зевая, спросила Скарлетт.

– Колдунья не солгала, говоря, что нельзя одновременно получить и славу, и любовь, – со вздохом пояснила бабушка. – Назвавшись звучным именем, Легендо перестал быть тем пареньком, которого полюбила Аннализа, поэтому она вышла замуж за другого, оставив его с разбитым сердцем. Он действительно добился известности, о которой мечтал, но решил, что Аннализа его предала, и поклялся впредь никогда больше не влюбляться. Возможно, кто-то и правда назовет его злодеем, но найдутся и те, кто скажет, что благодаря магии он уподобился богу.

Девочки были уже на полпути в страну сновидений. Их веки сомкнулись, но на губах еще не погасли полумесяцы улыбок. Телла беспокойно заерзала при слове *«злодей»,* а Скарлетт просияла, услышав о магических способностях Легендо.

6

Скарлетт очнулась с ощущением, будто потеряла что-то важное. Обычно она неохотно разлепляла веки и не спеша потягивалась, прежде чем выбраться из постели и осторожно осмотреться по сторонам, но сегодня резко распахнула глаза и сразу же села.

Окружающий мир закачался у нее под ногами.

– Эй, осторожнее! – воскликнул Хулиан и поддержал ее, пытающуюся подняться, не дал выпасть из лодки – если уместно назвать лодкой крошечную посудину, на которой они плыли. Скорее уж, это был плот – такой малюсенький, что едва хватало места для них двоих.

– Сколько я проспала? – спросила Скарлетт, схватившись за бортик. Зрение ее постепенно прояснялось, приобретая четкость.

Хулиан опустил в воду весла, стараясь действовать осторожно, чтобы не забрызгать сидящую напротив девушку, и принялся грести. Море, по которому они плыли, было Скарлетт незнакомо. Водная гладь имела розоватый оттенок, тут и там кудрявились бирюзовые барашки, взбухающие по мере того, как медноликое солнце все выше поднималось по небосклону.

Было утро, но, как ей думалось, не первое с тех пор, как она забылась сном, поскольку прежде гладкий подбородок Хулиана успел покрыться темной щетиной, как если бы он не брился по меньшей мере пару дней. Вид у него сейчас был еще более разбойничий, чем когда он по-волчьи ухмылялся ей ночью на пляже Дель-Охос.

– Ах ты, негодяй! – воскликнула Скарлетт, влепив ему звонкую пощечину.

– Это еще за что? – ахнул Хулиан. На его щеке расцвела алая полоса – цвета ярости и кары.

Сообразив, что натворила, Скарлетт ужаснулась. Временами ей непросто бывало придержать язычок, но рукоприкладством она до сих пор никогда не занималась.

– Прости меня! Я не хотела! – растерялась она, вцепившись в край скамьи, на которой сидела, и стала ждать ответного удара, но его не последовало. Несмотря на злобно пламенеющий рубец на щеке, Хулиан лишь крепче сжал челюсти и не тронул свою обидчицу и пальцем.

– Тебе нечего меня опасаться, я женщин не бью.

Перестав грести, он в упор посмотрел на Скарлетт. Тогда в винном погребе он бросал на нее призывные взгляды, ночью на берегу зыркал, словно дикий зверь, но сейчас в его глазах не отражалось желания ни обольстить, ни напугать. За напускной суровостью скрывался призрак смятения, отражавшегося на его лице, когда он наблюдал, как губернатор Дранья чинит расправу над своей младшей дочерью. Сама же Скарлетт тогда пребывала в ужасе.

Отпечаток ладони на щеке Хулиана постепенно бледнел, и вместе с ним испарялся и ее страх: оказывается, не все мужчины ведут себя, как ее отец.

Скарлетт, до сих пор сидевшая, судорожно вцепившись в края скамьи, заставила себя наконец разжать пальцы, хотя руки у нее по-прежнему слегка дрожали.

– Я сожалею, – снова извинилась она. – Вам с Теллой не следовало… Погоди-ка! – осеклась она, вдруг ощутив разом нахлынувшее пугающее чувство утраты – жизненно важной утраты. У этой пропажи были светло-медовые волосы, ангельское личико и лукавая улыбка. – Где Телла?

Хулиан снова опустил весла в воду, на сей раз действительно обрызгав Скарлетт: капли ледяной воды выплеснулись прямо ей на колени.

– Если ты что-то сделал с Теллой, клянусь, я…

– Успокойся, Малинка!

– Меня зовут Скарлетт!

– Малиновый цвет или багряный[2] – невелика разница. С твоей сестрой все в порядке. Встретишься с ней на острове, – пояснил Хулиан.

Скарлетт хотела было запротестовать, но, взглянув туда, куда Хулиан указывал веслом, почувствовала, как слова таят на языке, точно размягченное масло.

Видневшийся на горизонте остров ничем не походил на ее родную Трисду с черным песчаным пляжем, скалистыми утесами и чахлой растительностью. Берег, к которому они приближались, утопал в зелени. Туман окутывал мерцающей пеленой поросшие лесом изумрудные горы, гордо устремляющиеся ввысь. С верхушки самого высокого пика струился водопад, переливаясь, словно перья павлина, и в конце концов исчезая в кольце танцующих облаков, окрашенных лучами восходящего солнца.

Вот он какой, *Исла-де-лос-Суэньос* – остров Грёз!

Скарлетт никогда не слышала об этом месте, пока не прочитала название на пригласительных билетах на Караваль, однако сейчас у нее не было ни малейших сомнений, что она вот-вот окажется *в частных владениях магистра Легендо.*

– Тебе повезло, что проспала все плавание. Места, которые мы оставили позади, выглядели не столь живописно, – сообщил Хулиан с таким видом, будто оказал Скарлетт неоценимую услугу. Однако, каким бы заманчивым этот остров ни выглядел, ее не оставляли тяжкие мысли о доме.

– А Трисда далеко отсюда? – спросила она.

– Мы сейчас находимся примерно посередине между Покоренными островами и Южной империей, – лениво протянул Хулиан, будто они просто прогуливались по берегу возле имения губернатора Драньи.

В действительности Скарлетт никогда не приходилось удаляться от дома на такое значительное расстояние. Глаза защипало от соленой воды, и она зажмурилась.

– Сколько же дней длится наше плавание? – спросила она.

– Сегодня тринадцатое число. Прежде чем снова меня ударишь, позволь сообщить, что твоя сестра выиграла нам время, обставив все так, будто вас обеих похитили.

Скарлетт вспомнила, какой разгром сестра учинила в ее комнате, разбросав вещи, как на поле боя.

– Вот, значит, зачем она устроила в моей спальне беспорядок?!

– Да к тому же оставила записку с требованием выкупа, – добавил Хулиан. – Так что, когда вернешься, сможешь выйти замуж за своего графа и жить с ним *долго и счастливо*, как в сказке.

Скарлетт не могла не признать, что сестра хитро все придумала. Но если отец узнает, что на самом деле они сбежали, да еще и за неделю до свадьбы, то обезумеет от гнева. Скарлетт представила себе фиолетового огнедышащего дракона, и ее взор затуманила пепельно-серая тень тревоги.

«Кто знает, быть может, посещение острова стоит сопряженного с этим риска?» — прошептал ветер на ухо Скарлетт, напомнив, что именно тринадцатое число значилось в приглашениях Легендо. А еще в них подчеркивалось, что «*прибывшие позже указанного времени не смогут принять участие в игре, победитель которой получит приз – исполнение одного желания».*

Скарлетт старалась не поддаваться очарованию этого места, но жившая в глубине ее души маленькая девочка с жадностью впитывала открывшийся взору новый таинственный мир, краски которого были ярче, гуще и острее – по сравнению с ними все, виденное ею прежде, казалось тусклым и бледным.

---

[2] Имя героини «Scarlett» перекликается с «scarlet», что в переводе с английского означает «багряный», «алый», «ярко-красный».

Чем ближе они подплывали к острову, тем более насыщенного багряного цвета становились бронзовые облака: как будто вместо дождя они вот-вот прольются пламенем. Глядя на них, Скарлетт вспомнила письмо магистра Легендо, золоченые края которого тоже горели огнем, когда на них падал свет. Она понимала, что следует немедленно вернуться домой, но ее манило обещание того, что можно обнаружить на острове Грёз. Схожее чувство порой охватывало Скарлетт ранним утром, ставя перед выбором: открыть глаза и столкнуться с суровой действительностью или держать веки смеженными, чтобы подольше задержаться в прекрасном мире сновидений.

Однако красота обманчива – и примером тому сидящий сейчас на веслах напротив нее молодой моряк, плавными гребками рассекающий водную гладь. Он действует столь невозмутимо, будто похищение девушек для него самое привычное дело на свете.

– Почему Телла уже на острове? – спросила Скарлетт.

– Потому что эта лодка за раз способна выдержать не более двух человек, – пояснил Хулиан, и, взмахнув веслом, снова окатил Скарлетт брызгами. – Скажи спасибо, что я вообще вернулся за тобой после того, как доставил на берег твою сестру.

– Начнем с того, что я не просила меня увозить.

– Не ты ли семь лет писала *Легендо*?

Щеки Скарлетт полыхнули жаром. Мало того, что письма к магистру Караваля были тайной, которой она поделилась только с Теллой, так еще и Хулиан произнес его имя с насмешкой, заставив почувствовать, что все эти годы она и вправду вела себя крайне глупо. Она показалась себе ребенком, которому только предстоит понять, что далеко не все сказки имеют счастливый финал.

– Тебе нечего стыдиться, – утешил ее Хулиан. – Уверен, что многие юные девушки пишут ему письма. Ты, вероятно, слышала, что Легендо никогда не стареет. А еще болтают, будто ему известен способ внушать к себе любовь.

– В моих письмах не было ни капли романтики! – запротестовала Скарлетт. – Я просто хотела побывать на его волшебном представлении.

Хулиан недоверчиво прищурился.

– Почему в таком случае теперь ты этого не хочешь?

– Уж не знаю, чего тебе наболтала моя сестрица! Полагаю, после того, чему ты стал свидетелем в нашем винном погребе, мог бы и сам сообразить, что для нас стоит на кону. Будучи помладше, я и впрямь мечтала увидеть Караваль, а теперь просто хочу уберечь сестру и саму себя от опасности.

– Тебе никогда не приходило в голову, что и Телла хочет того же? – Хулиан перестал грести, позволив лодке мягко покачиваться на волнах. – Я, конечно, почти ее не знаю, но на самоубийцу она точно не похожа.

Скарлетт лишь головой покачала.

– Мне кажется, ты забыла, что такое жизнь, – продолжил Хулиан, – а сестра пытается тебе об этом напомнить. Но если предел твоих мечтаний – это *безопасность*, то я немедленно отвезу тебя домой.

Кивком Хулиан указал на маячащее на горизонте пятнышко, похожее на маленькую рыбацкую лодку. Вероятно, на самом деле это был корабль, на котором они сюда приплыли, поскольку теперешний плот бороздить моря уж точно был не предназначен.

– Даже если ты ровным счетом ничего не смыслишь в мореплавании, сможешь без труда вернуться на свою драгоценную Трисду на любом попутном судне. Или, – тут Хулиан замолчал и кивком головы указал на скрытую завесой белого тумана береговую линию, – если ты в самом деле такая храбрая, как уверяет твоя сестра, просто позволь мне грести к острову и проведи там неделю вместе с ней. Вдруг обнаружится, что она права, и на свете есть что-то более стоящее, чем безопасность?

Лодка между тем вошла в кольцо окутывающих остров облаков, и ее качнуло волной, отчего бирюзовая вода перелилась через край. Локоны Скарлетт прилипли к шее, а темные волосы Хулиана закудрявилась.

– Ты не понимаешь, – возразила она. – Если я промедлю с возвращением на Трисду, отец меня просто уничтожит. Через неделю я должна выйти замуж за графа, и этот брак станет моим счастливым билетом в новую жизнь. Мне бы очень хотелось побывать на Каравале, но я не готова пожертвовать ради него единственной возможностью обрести счастье.

– Драматичный у тебя взгляд на жизнь, – отозвался Хулиан, кривя губы, чтобы скрыть усмешку. – Я, конечно, могу ошибаться, но, сдается мне, в большинстве случаев супружеская жизнь оказывается далеко не такой радужной, как ты себе воображаешь.

– Я же совсем не о том говорила! – воскликнула Скарлетт, разозлившись, что ее поняли превратно. Хулиан между тем снова ее обрызгал, шлепнув веслом по воде. – Перестань так делать!

– Перестану, когда ты мне скажешь, куда тебя везти, – ответил он, плеснув на нее еще раз.

Лодка подходила все ближе к берегу, и медные облака начали тускнеть, приобретая зеленоватые и синеватые оттенки. Скарлетт почувствовала незнакомый аромат. Если на Трисде вечно воняло рыбой, то здесь пахло чем-то терпким и сладким, вроде цитрусовых, наводя на мысль, что в воздухе может быть разлит какой-то дурман. Хоть Скарлетт точно знала, что ей надлежит сделать: высадиться на остров, отыскать Теллу и как можно скорее вернуться с ней домой, язык не поворачивался прямо сказать об этом Хулиану. Она как будто вернулась в прошлое и снова стала наивной, исполненной надежд девятилетней девчушкой, верящей, что, отправляя письма чародею, может добиться исполнения желаний.

Впервые Скарлетт написала Легендо после исчезновения Паломы, потому что хотела устроить сестре веселый день рождения. Телла была буквально раздавлена разлукой, и Скарлетт изо всех сил пыталась заменить ей мать, но ведь она и сама тогда была всего лишь ребенком и столь же остро переживала боль утраты.

Девочкам было бы проще принять случившееся, если бы Палома хотя бы попрощалась с ними, оставила записку или крошечный намек на то, куда и зачем уехала. Но мама просто испарилась, не взяв с собой никаких вещей. Пропала, как упавшая с неба звезда, исчезновение которой мир даже не заметил, хоть и лишился ее света.

Скарлетт готова была заподозрить, что отец сам приложил руку к маминому исчезновению, но после случившегося он словно с цепи сорвался. Разыскивая ее, он перевернул все имение вверх дном и под предлогом розыска преступника (не признаваться же, в самом деле, что жена его бросила!) заставил своих стражников прочесать все города и селения острова. От мысли о похищении пришлось отказаться: в ее спальне не обнаружилось никаких следов борьбы, да и выкупа никто не требовал. Похоже, что Палома сама решила уйти от мужа, что лишь усугубляло ситуацию.

Скарлетт, несмотря ни на что, всегда считала маму волшебницей, у которой есть в запасе сверкающая улыбка, музыкальный смех и сладкие слова. Живя на Трисде, Палома служила неиссякаемым источником радости для Скарлетт, да и отец тогда вел себя куда мягче. Пока жена от него не сбежала, губернатор Дранья никогда не распускал рук.

После исчезновения Паломы бабушка стала принимать в воспитании внучек куда больше участия, но теплоты не выказывала. Скарлетт даже подозревала, что она не особо любит маленьких детей. Однако бабушка рассказывала увлекательные истории и просто околдовала девочек сказками о Каравале. Скарлетт влюбилась в это восхитительное место, средоточие магии, и даже поверила, что если Легендо со своими артистами приедет на Трисду, то в ее жизнь снова вернется радость, хотя бы и на несколько дней.

Вот и сейчас в душе Скарлетт забрезжила мысль о том, как восхитительно было бы не просто немного повеселиться, но и соприкоснуться с волшебством, исследовать частные вла-

дения магистра Легендо и насладиться Каравалем, пусть даже всего на один день, а уж потом навсегда захлопнуть дверь в мир фантазий.

До свадьбы Скарлетт оставалась всего неделя – пора бы уже позабыть о безрассудствах. Хоть Телла и устроила погром у Скарлетт в спальне и даже, по словам Хулиана, подбросила записку с требованием выкупа, отец все равно рано или поздно сообразит, что дочери обвели его вокруг пальца. Нечего даже думать о том, чтобы задержаться на острове Грёз.

А вот если сестры проведут здесь всего денек, первый день Караваля, то успеют вернуться домой до свадьбы Скарлетт. Едва ли за такой короткий срок отцу удастся выяснить, куда запропастились его дочери. Проведя на острове не более суток, они сумеют избежать страшных последствий, а губернатор никогда не догадается, где они были.

– Малинка, давай же, решай что-нибудь, время на исходе!

Окутывающее их облако стало таять, явив взору береговую кромку. Скарлетт заметила, какой белый и мягкий на острове Грёз песок – издалека он походил на глазурь на торте. Она отчетливо представила, как Телла пропускает его сквозь пальцы, собираясь попробовать песчинки на вкус и проверить, в самом ли деле они сладкие, как сахар, или только с виду на него похожи – и зовет старшую сестру присоединиться к ней.

– Если я сейчас отправлюсь с тобой, а завтра захочу вернуться на Трисду вместе с Теллой, обещаешь ли ты, что не станешь удерживать нас силой?

Хулиан прижал руку к сердцу и торжественно объявил:

– Даю слово чести.

Скарлетт не была уверена, что на честь Хулиана можно положиться. Скорее всего, попав на Караваль, он улизнет, предоставив их с Теллой самим себе.

– Продолжай же грести, только смотри, больше не брызгайся.

Губы Хулиана изогнулись в усмешке, когда он снова опустил весла в воду, на этот раз основательно намочив туфельки Скарлетт, так что у нее сразу замерзли ноги.

– Я же просила не брызгаться!

– А я ничего подобного и не делал.

Хулиан стал орудовать веслами с куда большей осторожностью, чем прежде, но Скарлетт по-прежнему ощущала под ногами влагу. Море здесь куда холоднее, чем у побережья Трисды.

– Боюсь, в днище пробоина.

Видя, что воды в лодке набралось уже по лодыжку, Хулиан, выругавшись, поинтересовался:

– Плавать-то ты хоть умеешь?

– Разумеется, да! Я же островная жительница.

Хулиан стянул с себя бушлат и швырнул его на бортик лодки.

– Если разденешься, плыть будет куда легче. У тебя под платьем ведь есть какие-нибудь нижние одежки?

– Уверен, что не получится дойти до берега на веслах? – заупрямилась Скарлетт.

Ноги у нее основательно замерзли, зато ладони вспотели: остров Грёз находился от них метрах в ста, а так далеко ей никогда в жизни плавать не приходилось.

– Попробовать-то можно, но вряд ли эта посудина выдержит, – ответил Хулиан, снимая башмаки. – Нечего время даром терять, давай-ка раздеваться. Вода холодная, и плыть в одежде никак не получится.

Скарлетт внимательно осмотрела затянутую пеленой тумана поверхность моря в надежде увидеть другую лодку или хотя бы плот.

– Но в чем мы будем ходить на острове?

– Наша главная забота сейчас – туда добраться. Вообще-то, это, прежде всего, к тебе относится.

Хулиан расстегнул пуговицы рубашки, явив взору Скарлетт загорелое мускулистое тело: с таким добраться до острова – пара пустяков. Ни слова больше не говоря, он нырнул в океан и, даже не оглянувшись, поплыл, рассекая сильными руками холодные волны. Скарлетт же продолжала сидеть в лодке, хотя ледяная вода уже поднялась ей до икр и подхватила нижнюю часть подола платья. Она пробовала грести, но от этого лодка просела еще сильнее.

Не имея другого выбора, она прыгнула за борт.

Воздух с шумом вырвался из ее груди, легкие заполнились чем-то нестерпимо холодным. Со всех сторон Скарлетт окружала белизна. Белым стало все, даже розовые и бирюзовые волны вдруг приобрели пугающий льдистый оттенок. Высунув голову на поверхность, она стала с жадностью хватать ртом обжигающий воздух.

Скарлетт попыталась плыть против течения, подражая легкости движений Хулиана, но он оказался прав: одежда очень мешала. Корсет сдавил грудь, ноги запутались в отяжелевшем подоле платья. Чем отчаяннее она барахталась и боролась, тем более решительный отпор давал океан. Ей едва удавалось удерживать голову над водой. Вдруг ее накрыло тяжелой ледяной волной и потащило вниз. Легкие горели огнем, но она отчаянно пыталась всплыть на поверхность. Должно быть, Фелипе чувствовал себя точно так же, когда губернатор Дранья его топил. *«Ты это заслужила»,* – раздался голос у нее в голове. Вода вцепилась в нее мертвой хваткой и тянула вниз

вниз,

вниз…

– Ты же вроде говорила, что умеешь плавать! – Несколькими мощными рывками Хулиан вытолкнул Скарлетт на поверхность. – Дыши, – уговаривал он, – только медленно: не пытайся глотнуть слишком много воздуха сразу.

Хотя легкие у Скарлетт все еще горели огнем, она сумела выговорить:

– Ты меня бросил!

– Потому что считал, что ты умеешь плавать.

– Платье подвело… – Скарлетт осеклась, чувствуя, что намокшая ткань снова тянет на дно.

Хулиан резко вздохнул.

– Сумеешь без меня продержаться на воде минуту?

В его свободной руке вдруг появился нож и, прежде чем Скарлетт успела ответить или запротестовать, Хулиан ушел под воду.

Ей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем она почувствовала руку Хулиана, обхватившую ее за талию, а в следующее мгновение кончик ножа уперся ей в грудь. У Скарлетт перехватило дыхание, когда моряк разрезал на ней корсет, решительно прочертив линию вниз по ее животу. Его рука крепче сжала ее талию, и внутри у Скарлетт тоже что-то сжалось. Никогда прежде ей не приходилось оказываться с парнем в таком двусмысленном положении. Она старалась отогнать мысли о том, что Хулиан видел или чувствовал, освободив ее от отяжелевшего платья и оставив в одной нижней сорочке, прилипшей к телу.

Вынырнув и обрызгав лицо Скарлетт водой, Хулиан стал хватать ртом воздух.

– Теперь-то ты плыть сможешь? – тяжело дыша, поинтересовался он.

– А ты? – хрипло спросила в ответ Скарлетт, которой тоже вдруг стало трудно говорить.

Казалось, между ними только что произошло какое-то очень интимное действо – или, возможно, таковы были лишь ее собственные ощущения. Хулиан-то наверняка перевидал множество полуодетых и даже полностью раздетых девушек!

– Нечего тратить силы на болтовню, – рявкнул он и поплыл вперед, на сей раз стараясь держаться рядом со Скарлетт.

Она не знала, поступает ли он так потому, что тревожится о ее благополучии или попросту ослаб, спасая ее. Океан продолжал тянуть ее вниз, но теперь, избавившись от намокшего платья, она могла сопротивляться, и сияющего белого пляжа острова Грёз они с Хулианом достигли одновременно. Вблизи песок казался еще мягче, чем издали. Скарлетт решила даже, что он похож на снег – такого на Трисде никогда не бывало. Вдоль берега тянулся холодный покров, сотканный из низко стелющихся волшебных облаков.

Из-за того, что вокруг не было ни души, обстановка казалась зловещей.

– Даже не вздумай сейчас послать меня куда подальше, – предупредил Хулиан. Схватив Скарлетт за руку, он потянул ее в сторону белых завитков. – Ну же, шевели ножками.

– Подожди… – Скарлетт еще раз оглядела белоснежный берег, в очередной раз напомнивший ей о торте с глазурью вроде тех, что обычно выставлялись в витрине кондитерского магазина – с идеально ровной поверхностью. Не похоже, чтобы здесь ступала нога Теллы. – Где моя сестра?

7

Прозрачные облачка заслонили солнце, рассыпав по береговой линии дымчатые голубовато-серые тени. Нехоженый снег под ногами Скарлетт утратил свою белизну и теперь подмигивал ей сиренево-голубыми искрами, точно приглашая посмеяться над одним им понятной шуткой.

– Где Телла? – повторила свой вопрос Скарлетт.

– Похоже, я высадил ее на другой стороне острова. – Хулиан снова потянулся было к ладони Скарлетт, но она отдернула руку. – Нужно идти, иначе замерзнем насмерть. Как только согреемся, сразу отправимся на поиски твоей сестры.

– Что, если ей сейчас тоже холодно? – стояла на своем Скарлетт. – До-на-тел-ла! – прокричала она, стуча зубами.

Ступая по снегу в одной мокрой сорочке, льнущей к холодной, как лед, коже, она дрожала так, как не мерзла даже в ту ночь, когда отец заставил ее спать под открытым небом, в наказание за то, что Телла впервые в жизни поцеловалась с юношей. И все же Скарлетт не собиралась покидать остров, пока не отыщет сестру.

– Донателла! – позвала она снова.

– Зря только воздух сотрясаешь, – заметил Хулиан, глядя на нее в упор. Без рубашки и промокший насквозь, он казался еще более опасным, чем обычно. – Когда я высадил твою сестру на берег, она была одета в плащ и перчатки, и в ледяном океане не купалась. Поэтому, где бы она сейчас ни находилась, точно не замерзнет насмерть, в отличие от нас с тобой, если будем и дальше тут стоять. Пойдем к тем деревьям.

Там, где снежная мантия пляжа встречалась с густой зеленой растительностью, в небо поднимался дымок цвета закатного солнца. Скарлетт могла бы поклясться, что еще минуту назад ничего подобного видно не было. Да и деревья будто выросли из-под земли в мгновение ока! Их мощные стволы, сплетенные воедино и поросшие голубовато-зеленым мхом, напоминали толстые косы и нисколько не походили на чахлые кусты Трисды.

– Нет, – заупрямилась Скарлетт, содрогаясь. – Мы…

– Нельзя и дальше здесь слоняться, – перебил ее Хулиан. – У тебя уже губы посинели. Пойдем, отыщем источник этого оранжевого дыма.

– Плевать я на него хотела! Если моя сестра все еще где-то здесь…

– Твоя сестра, вероятно, отправилась искать вход на Караваль. Да и нам следует поступить так же: ты не забыла, что пускают только до конца нынешнего дня? Идем в ту сторону, откуда поднимается дым!

С этими словами Хулиан решительно зашагал вперед, и снег захрустел под его босыми ступнями. Скарлетт в последний раз окинула взглядом пустынный берег. Телла никогда не умела терпеливо ждать – да и нетерпеливо тоже. Но если она отправилась на Караваль, почему нигде нет никаких признаков ее присутствия?

Скарлетт неохотно последовала за Хулианом в лес. Снежный покров сменился протоптанной в бурой земле тропинкой, ступая по которой замерзшими ногами, она не ощущала вонзающихся в пальцы сосновых игл. Глядя на оставленные ею на земле влажные следы, она не могла не задаваться вопросом, почему не находит отпечатков башмачков Теллы?

– Наверное, она ушла с пляжа другой дорогой, – словно прочтя ее мысли, пояснил Хулиан.

Хоть он и не стучал зубами, его смуглая кожа приобрела синеватый оттенок, перекликающийся с цветом искаженных теней, отбрасываемых деревьями. Скарлетт хотела было возразить, но не нашла в себе сил: ее мокрая нательная сорочка обледенела, а в лесу оказалось еще

холоднее, чем на берегу. Скрестив руки на груди в надежде хоть немного согреться, Скарлетт только сильнее замерзла.

На лице Хулиана мелькнула тревога.

– Нужно поскорее отвести тебя в какое-нибудь теплое место.

– Но моя сестра…

– … достаточно умна и наверняка уже вступила в игру, – договорил за нее Хулиан. – Замерзнув здесь насмерть, ты точно ее не найдешь, – добавил он, приобняв Скарлетт за плечи.

Она напряглась всем телом и, почувствовав это, Хулиан обиженно сдвинул темные брови.

– Я лишь пытаюсь тебя согреть.

– Но ведь тебе самому холодно, – возразила Скарлетт и мысленно прибавила: *«К тому же, ты практически голый».*

Она заставила его убрать руку и чуть не споткнулась, вдруг почувствовав под ногами вместо мягкой лесной почвы твердую дорогу. Вымощенная переливчатыми камнями, гладкими, как отполированное морем стекло, она уходила вдаль, насколько хватало глаз. От нее ответвлялись многочисленные кривые улочки, застроенные разномастными круглыми торговыми лавочками, выкрашенными в нежные пастельные цвета. Постройки громоздились друг на друге, как небрежно составленные одна на другую шляпные коробки.

Городок был очарователен, но при этом неестественно тих. Все лавочки оказались закрыты, и снег на их крышах походил на пыль, осевшую на забытых книгах сказок. Скарлетт не знала, где оказалась, но, в любом случае, Караваль она представляла себе совершенно по-другому.

В воздух все еще поднимался столб дыма цвета заходящего солнца, кажущийся столь же далеким, как и тогда, когда Скарлетт с Хулианом были на пляже.

– Малинка, давай-ка, пошевеливайся!

Хулиан подтолкнул ее к одной маленькой прелюбопытной улочке. Скарлетт не знала, то ли от холода видит галлюцинации, то ли у нее просто помутилось в голове. Мало того что вокруг царила странная тишина, так еще и вывески на похожих на шляпные коробки лавочках казались совершенно бессмысленными. Сделанные на разных языках, они гласили: *«Открываемся около полуночи»* или *«Приходите вчера».*

– Почему все закрыто? – спросила Скарлетт. Ее дыхание вырывалось изо рта облачками пара. – И где люди?

– Нам нужно идти дальше. Не останавливайся! Мы пока не нашли места, где могли бы согреться.

Хулиан упорно шагал вперед, минуя самые удивительные магазинчики, какие Скарлетт когда-либо видела. В витринах были выставлены шляпы-котелки с чучелами ворон на макушке, чехлы для солнечных зонтиков, дамские головные повязки, расшитые человеческими зубами, зеркала, способные отражать темноту людской души. Скарлетт решила, что из-за холода ей мерещится то, чего нет. Оставалось надеяться, что Хулиан не ошибся, и Телла сейчас действительно находится в тепле. Скарлетт продолжала внимательно смотреть по сторонам, ожидая, не промелькнет ли где медовый локон младшей сестры, не подхватит ли эхо ее веселый смех, но лавочки по-прежнему оставались пустыми и безмолвными.

Хулиан подергал за несколько дверных ручек, но ни одна не поддалась.

В следующем ряду заброшенных лавчонок предлагались совершенно фантастические товары: упавшие звезды и семена, из которых можно вырастить желания. Магазин «Окуляр Одетты» торговал очками, позволяющими заглянуть в будущее (*«В наличии оправы четырех разных цветов»,* – гласила выставленная в витрине табличка).

– Мне бы такие пригодились, – пробормотала Скарлетт себе под нос.

На лавке, соседней с «Окуляром», имелась вывеска, сообщавшая, что здесь чинят поломанное воображение. В витрине были выставлены бутылочки с мечтами, ночными кошмарами

и, как это ни поразительно, *дневными кошмарами* тоже. Чувствуя, как на ее темных волосах нарастают сосульки, Скарлетт подумала, что именно дневной кошмар она сейчас и переживает.

Идущий рядом с ней Хулиан выругался. За несколькими рядами похожих на шляпные коробки лавочек уже стал виден источник дыма, который теперь вился, образуя солнце со звездой и слезой внутри – символ Караваля. Однако холод пробирал Скарлетт до костей, так что, казалось, обледенели даже зубы и веки.

– Погоди… может… зайдем сюда? – предложила она, трясущейся рукой указывая на часовую лавку Касабиана.

Заметив какой-то блеск, она поначалу решила, что это медь в переплете окна, но в скрытом за мешаниной маятников, противовесов и сияющих деревянных шкафчиков камине действительно горел огонь, а на двери было написано: *«Открыто всегда»*. Когда замерзшие путники вошли внутрь, на них обрушилось многоголосое тиканье всевозможных часов: напольных, настольных, с кукушкой и без. Внезапно оказавшись в тепле, Скарлетт ощутила покалывание в руках и ногах, которые уже почти перестала чувствовать. Разогретый воздух опалил легкие.

– Есть здесь кто-нибудь? – спросила она надтреснутым голосом, но ответом ей был лишь перестук зубьев и шестеренок, выводивших свое *«тик-так, ток-тик»*.

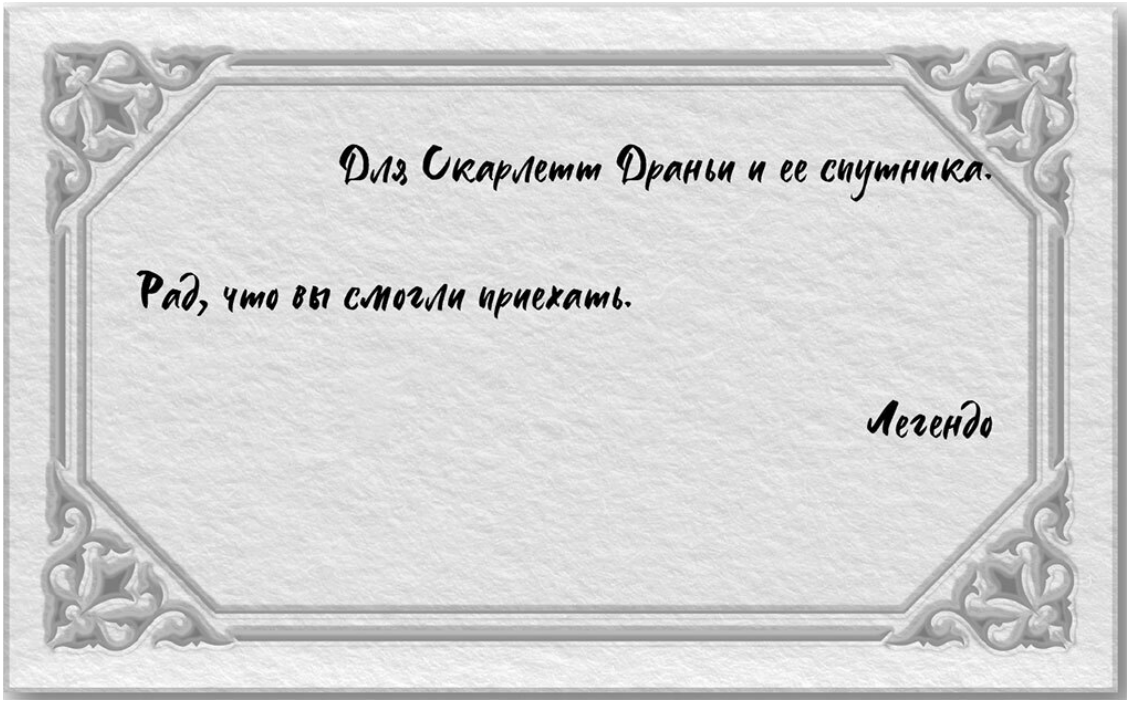
Часовая лавка была круглой, как циферблат, пол выложен мозаикой, пестрящей цифрами в самых разных начертаниях, а стены увешаны многочисленными часами: у одних стрелки двигались в обратную сторону, другие выставляли напоказ все колесики и рычажки, третьи и вовсе походили на игрушку-головоломку, детали которой соединялись друг с другом на исходе часа. В стоящей в центре комнаты массивной стеклянной витрине были заперты карманные часы, способные, если верить надписи, поворачивать время вспять. При иных обстоятельствах Скарлетт непременно заинтересовалась бы всем этим, но сейчас ей хотелось одного – как можно ближе подобраться к камину, в котором, потрескивая, жарко пылало пламя. Она бы с радостью растеклась лужицей прямо перед ним. Хулиан отодвинул в сторону защитный экран и поворошил поленья кочергой.

– Нужно снять мокрую одежду, – сказал он.

– Я… – заупрямилась было Скарлетт, но замолчала, когда он подошел к большим старинным часам палисандрового дерева. На полу перед ними обнаружились две пары ботинок, а по обеим сторонам корпуса свисали вешалки с одеждой.

– Похоже, твоего прихода здесь *ждали*, – произнес Хулиан, в голосе которого снова зазвучала веселая насмешка.

Стараясь не обращать на его поддразнивания внимания, Скарлетт подошла ближе. По соседству с одеждой, на позолоченном столике, разрисованным лунными часами, в причудливой вазе алели розы, а на подносе возле них обнаружились инжирный хлеб, чай с корицей и записка:



Послание было написано на такой же бумаге с золочеными краями, что и письмо, которое Скарлетт получила на Трисде. Ей стало интересно, всех ли гостей магистр принимает схожим образом. Скарлетт не верила в собственную исключительность, но в то же время сомневалась, чтобы каждый прибывший на Караваль получал персональное приветствие и красные розы.

Хулиан покашлял, чтобы привлечь ее внимание.

– Ты позволишь? – Отстранив Скарлетт, он схватил с подноса кусок хлеба, сдернул с вешалки предназначавшуюся для него одежду и принялся расстегивать ремень на штанах. – Если захочешь посмотреть на то, как я переодеваюсь, я возражать не стану.

Смутившись, Скарлетт поспешно отвернулась, мысленно обвиняя Хулиана в полнейшем пренебрежении правилами приличия. Ей и самой нужно было переодеться, но нигде не было укромного уголка, чтобы сделать это вдали от чужих глаз. Комната, конечно же, не могла уменьшиться с тех пор, как они пришли, и все же только теперь Скарлетт заметила, насколько она мала: до входной двери всего-то метра три.

– Если ты повернешься ко мне спиной, мы оба сможем переодеться.

– Мы и стоя друг к другу лицом вполне способны это сделать, – ответил Хулиан, в голосе которого снова звучала насмешка.

– Я не это имела в виду! – вспыхнула Скарлетт.

Хулиан лишь негромко хмыкнул, но когда Скарлетт подняла голову, оказалось, что он действительно встал к ней спиной. Как бы она ни старалась не глазеть на него, не могла не заметить, какое мускулистое у него тело. Ее внимание привлек толстый уродливый шрам между лопаток. Еще два обнаружились чуть ниже, на пояснице. Похоже на то, как если бы его исполосовали ножом.

Судорожно сглотнув, Скарлетт испытала чувство вины: нечего было его рассматривать! Поспешно схватив предназначавшуюся для нее сухую одежду, она стала переодеваться, стараясь не думать о том, что же с Хулианом могло случиться. Будь она на его месте, не захотела бы, чтобы кто-то видел шрамы.

Многие годы от побоев отца на ее теле оставались синяки, и со временем она научилась одеваться сама, чтобы их никто не видел. Умение обходиться без помощи служанки могло бы ей сейчас пригодиться, но полученное от Легендо платье, к вящему разочарованию Скарлетт,

оказалось совсем простеньким – не такими представляла она наряды для Караваля. Ни корсета, ни нижних юбок, ни турнюра, лиф выполнен из ткани тусклого бежевого цвета, подол гладкий.

– Разреши мне уже повернуться? – спросил Хулиан. – Едва ли ты можешь похвастаться чем-то таким, чего я раньше не видел.

Скарлетт тут же вспомнила, как он обхватил ее за талию, когда срезал мокрое платье в океане, заставив содрогаться всем телом, от груди до бедер.

– Ну, спасибо за напоминание, – отозвалась она.

– Да я вовсе не тебя имел в виду. У тебя я почти ничего и не рассмотрел…

– Мне от этого не легче. Но можешь уже повернуться: я застегиваю пуговицы на ботинках.

Подняв голову, Скарлетт увидела, что Хулиан стоит прямо перед ней. Оказалось, что для него Легендо оставил куда более красивую одежду. Она отметила и его шейный платок цвета полуночного неба, виднеющийся в вырезе отлично сидящего по фигуре бордового жилета, и насыщенно-синий фрак, подчеркивающий мощные плечи и узкую талию, и плотно облегающие ноги бриджи. О том, что Хулиан – моряк, говорил лишь висевший у бедра кортик.

– Ты выглядишь… по-другому, – задумчиво протянула Скарлетт. – Больше не похож на человека, который только что поучаствовал в потасовке.

Хулиан слегка приосанился, приняв замечание Скарлетт за комплимент – пожалуй, так оно и было, хоть ей и досадно признавать, что внешний вид такого несносного человека может оказаться столь близким к совершенству. Однако костюм с иголочки не сделал Хулиана похожим на джентльмена, и дело тут было не только в его покрытых щетиной щеках и взъерошенной копне темных волос. Чувствовалось в нем какая-то необузданность, которую никакому наряду было не по силам укротить. Резкие черты лица и проницательный взгляд карих глаз никуда не делись с появлением у него шейного платка и… карманных часов. Они-то откуда взялись?

– Ты их украл? – спросила Скарлетт.

– Нет, просто одолжил на время, – поправил ее Хулиан, наматывая цепочку на палец. – Точно так же, как и ты – это платье. – Окинув ее взглядом с головы до ног, он одобрительно кивнул. – Теперь я понимаю, почему Легендо прислал билеты именно *тебе*.

– Что ты имеешь в ви…

Увидев свое отражение в зеркальном циферблате часов, Скарлетт осеклась. Ее платье из скучного бежевого вдруг стало сочным вишневым – цвета соблазна и тайн. Посередине плотно облегающего грудную клетку лифа с глубоким овальным вырезом тянулся ряд бантиков, сочетающихся с гофрированным турнюром – все по последней моде. Простой подол сменился фестончатыми юбками: пять тонких слоев попеременно сменяющего друг друга вишневого шелка и тюля, украшенных черным кружевом. Даже ботинки у нее на ногах стали другими: поношенная коричневая кожа превратилась в сияющую черную – с такой же, как на платье, кружевной отделкой.

Скарлетт провела по своему наряду руками, чтобы убедиться, что это не обман зрения, вызванный игрой света или зеркал. Или, быть может, она приняла роскошный туалет за невзрачный из-за того, что от холода у нее помутилось в голове? В глубине души она понимала, что всему происходящему может быть лишь одно объяснение: Легендо оставил для нее волшебное платье.

Прежде подобные превращения встречались исключительно в сказках, поэтому теперь Скарлетт не знала, что и думать. Материя была самая настоящая. Живущая внутри нее девочка пришла от происходящего в восторг, а вот взрослая Скарлетт чувствовала себя в платье – магическом или нет – неуютно. Отец никогда не позволил бы ей надеть такой броский туалет. Хоть он сейчас находился далеко отсюда и не мог ее видеть, привлекать к себе внимание ей совершенно не хотелось.

Будучи девушкой весьма миловидной, Скарлетт зачастую старалась скрыть свою красоту. От матери она унаследовала густые темные волосы, выгодно оттеняющие смуглую кожу. Лицо у нее было более вытянутое, чем у Теллы, с маленьким носиком и глазами орехового цвета – такими большими, что, как она опасалась, выдают слишком многое.

На мгновение Скарлетт даже захотелось вернуть скучное бежевое платье, поскольку бедно одетых девушек обычно никто не замечает. Она задумалась, а не превратится ли ее наряд в тот, что был изначально, если она загадает такое желание? Мысленно она представила платье более простого кроя и неброской расцветки, но вишневый шелк от этого не поблек и не перестал плотно обнимать изгибы ее тела, которые она предпочла бы не подчеркивать.

Вспомнив слова Хулиана: *«Теперь я понимаю, почему Легендо прислал билеты именно тебе»,* Скарлетт задумалась, уж не сбежала ли она от смертоносных игр отца только затем, чтобы сделаться разряженной пешкой на другой доске?

– Если ты вдоволь собой налюбовалась, – сказал Хулиан, – не продолжить ли нам поиски твоей сестры, с которой тебе не терпелось снова воссоединиться?

– А мне казалось, что тебе ее судьба тоже небезразлична, – парировала Скарлетт.

– В таком случае ты слишком хорошо обо мне подумала, – отозвался Хулиан и зашагал к выходу из лавки.

Все часы, как сговорившись, дружно принялись отбивать время, и тут чей-то незнакомый голос произнес:

– Не советую пользоваться этой дверью.

8

Вошедший в часовую лавку толстенький человечек и сам чем-то походил на часы. Торчащие в разные стороны усы на его круглом смуглом лице напоминали часовую и минутную стрелки, глянцевая коричневая ткань сюртука – полированное дерево, а застежки помочей – подвешенные на тросиках медные грузы.

– Мы ничего не украли, – тут же заверила Скарлетт, – мы…

– Говорите за себя, – прогремел вновь прибывший низким угрожающим голосом и, прищурившись, так и впился глазами в Хулиана.

Из опыта общения с отцом Скарлетт знала, что принимать виноватый вид ни в коем случае нельзя.

«Не смотри на Хулиана», – мысленно велела она себе, но все же не удержалась и бросила на него взгляд украдкой.

– Так я и знал! – воскликнул толстяк и, заметив, что Хулиан шагнул к Скарлетт с намерением подтолкнуть ее к двери, добавил: – О, нет, не стоит обращаться в бегство! Я же пошутил. Я не Касабиан, хозяин этой лавки, а всего лишь Элджи, и мне дела нет до того, набили ли вы карманы часами или нет.

– Зачем тогда вы пытаетесь нас задержать? – спросил Хулиан, положив одну руку на пояс, а другой принявшись нащупывать рукоять кортика.

– Парнишка-то уж дюже подозрительный, вам так не кажется? – произнес Элджи, повернувшись к Скарлетт, которая тоже отметила, что комната окрасилась в серо-зеленые оттенки подозрения. Да и часы, кажется, затикали быстрее – или у нее не в меру воображение разыгралось?

– Идем же, – обратилась она Хулиану. – Телла, наверное, места себе от беспокойства за нас не находит.

– Вы найдете того, кого ищете, куда быстрее, если воспользуетесь этим путем.

Элджи подошел к старинным палисандровым напольным часам, открыл стеклянную дверцу и потянул за один из грузов. Этим действием он привел в движение висящие на стене часы-головоломку, которые издали громкое *«Клик-клак!»*. Их детальки встали на свои места, образовав великолепную дверцу с зубчатым колесом вместо ручки.

Театрально взмахнув рукой, Элджи объявил:

– Только сегодня! За сходную цену вам предлагается воспользоваться кратчайшей дорогой в самое сердце Караваля!

– Откуда нам знать, что это не вход в ваш подвал? – скептически поинтересовался Хулиан.

– Неужели похоже на дверь в подвал? Прислушайтесь к своим ощущениям! – Элджи дотронулся до зубчатого колесика, и все часы в лавке мгновенно затихли. – Если решите покинуть лавку привычным путем, снова окажетесь на холоде, да еще и через ворота проходить придется. Мое же предложение поможет вам сберечь драгоценное время.

Он отпустил колесико, и все часы снова ожили и загомонили: *«Тик-так, ток-тик»*.

Скарлетт не знала, стоит ли верить Элджи, но дверь в стене, как и платье, определенно была волшебной и словно бы занимала больше пространства, чем окружающие предметы. Кроме того, если за ней в самом деле начинается кратчайший путь на Караваль, Скарлетт сумеет скорее отыскать сестру.

– В какую цену нам это обойдется? – спросила она.

Темные брови Хулиана удивленно поползли вверх.

– Неужели ты серьезно намерена принять это предложение?

– Если так мы быстрее доберемся до Теллы, то да. – Скарлетт предполагала, что моряк с радостью ухватится за возможность сократить путь, но он лишь нервно стрелял по сторонам глазами. – По-твоему, это плохая идея? – обратилась она к нему.

– По-моему, увиденный нами дым указывает, где искать ворота Караваля, поэтому я бы лучше поберег деньги, – отозвался он и потянулся к ручке входной двери.

– Вы ведь еще даже цену не знаете! – воскликнул Элджи.

Бросив взгляд на Скарлетт, Хулиан на секунду замешкался. В глубине его глаз проскользнула какая-то неуловимая тень, и Скарлетт готова была поклясться, что когда он снова заговорил, его голос звучал натянуто:

– Ты, конечно, вольна делать что хочешь, Малинка, но позволь дать тебе дружеский совет: когда все же войдешь на Караваль, хорошенько подумай, прежде чем кому-либо довериться. Местные люди в большинстве своем вовсе не те, кем кажутся. – С этими словами он вышел из лавки под звон колокольчика.

Скарлетт не рассчитывала, что Хулиан останется с ней навсегда, но все же его неожиданный уход лишил ее присутствия духа.

– Погодите! – окликнул ее Элджи, видя, что и она тоже направляется к двери. – Я же чувствую, что вы мне верите. Неужели броситесь догонять этого мальчишку и позволите ему решать за вас, вместо того чтобы сделать выбор самостоятельно?

Скарлетт понимала, что нужно немедленно уйти. Если она не поторопится, то рискует упустить Хулиана из виду, и тогда останется в полном одиночестве. Но произнесенное Элджи слово *«выбор»* ее удержало. Живя дома, выбирать ей, по сути, никогда не доводилось, поскольку каждый ее шаг определялся отцом. Возможно также, что она замешкалась, потому что та часть ее души, которая не желала расставаться с детскими мечтами, очень хотела поверить Элджи?

Она подумала о том, с какой легкостью возникла дверь и как все часы разом замолчали, когда толстяк дотронулся до странной ручки.

– Даже если бы ваше предложение меня и заинтересовало, – ответила она, – денег у меня все равно нет.

– С чего вы решили, будто я прошу денег? – Элджи расправил кончики усов. – Я лишь сказал, что предлагаю сделку: хочу позаимствовать ваш голос.

Скарлетт подавила нервный смешок.

– Ваше предложение не кажется мне честным, – запротестовала она, а про себя подумала: *«Разве можно забрать у человека голос?»*

– Он требуется мне всего на часок, – не сдавался Элджи. – Именно столько времени – как минимум – у вас уйдет, чтобы добраться туда, откуда идет дым, и вступить в игру, я же могу впустить вас сию секунду. – Он вынул из кармана часы и установил обе стрелки на цифру 12. – Соглашайтесь, и этот механизм на шестьдесят минут заберет ваш голос, а моя дверь распахнется для вас в самое сердце Караваля.

Перспектива ускорить поиски сестры представлялась Скарлетт невероятно заманчивой, но что, если Элджи лишит ее голоса на больший период времени? Она не была склонна верить незнакомому человеку, особенно после предупреждения Хулиана. Да и самая мысль о потере голоса также представлялась пугающей. В прошлом ее крики никогда не спасали Теллу от отцовских побоев, но, будучи способной говорить, можно хотя бы кого-то позвать. Сейчас же, случись что, пока она будет немой, окажется абсолютно беспомощной и, вдруг увидев вдалеке сестру, не сумеет даже окликнуть ее по имени. Да и вообще, Телла может ждать ее у ворот.

До сих пор Скарлетт выживала только благодаря своей осторожности. Памятуя о том, что предложения отца почти всегда были сопряжены с утаиванием чего-то крайне неприятного, что обнаруживалось позднее, она решила и сейчас не рисковать и объявила:

– Уж лучше я попробую пройти через главные ворота.

У Элджи тут же поникли усы.

– Сделка могла бы быть весьма удачной. Отказавшись, вы многое потеряете!

Он рывком распахнул дверь-головоломку, и на мгновение глазам Скарлетт предстало то, что за нею скрывалось: небо, пламенеющее лимонно-желтыми и персиковыми оттенками, узкие речушки, сверкающие как полированные драгоценные камни, и смеющаяся девушка с волосами цвета меда…

– Донателла! – вскричала Скарлетт и бросилась к двери, но лишь коснулась ее металлической поверхности кончиками пальцев, поскольку Элджи проворно ее захлопнул. – Нет!

Она схватилась за зубчатое колесико и попыталась повернуть его, но оно обратилось в прах у нее под ногами. Ей оставалось лишь беспомощно наблюдать, как детали головоломки, щелкая, разъединяются, и дверь исчезает.

Она тут же пожалела, что не согласилась на предложенную сделку. Телла бы точно такой возможности не упустила! Похоже, именно таким образом она и попала на Караваль, поскольку не привыкла ни тревожиться о будущем, ни думать о последствиях – для этого у нее есть старшая сестра!

Скарлетт должна была бы испытать облегчение от осознания того, что Телла уже наверняка на Каравале, но вместо этого начала беспокоиться, как бы та, оставшись без присмотра, не угодила в какую-нибудь передрягу. И Хулиан, как на грех, бросил ее в одиночестве!

Поспешно выскочив из лавки Касабиана, Скарлетт поспешила вниз по улице. Не успев толком согреться, она снова замерзла. Казалось, она пробыла на острове совсем недолго, но утро уже прошло, день тоже, а свинцовые тени, окутывающие похожие на шляпные коробки торговые лавки, намекали на скорое наступление вечера.

«Должно быть, время здесь бежит быстрее», – подумала Скарлетт и заволновалась, что не успеет и глазом моргнуть, как на небе зажгутся звезды, а она тут теряет драгоценные минуты. Теллу не нашла, Хулиана тоже потеряла, день близится к концу, а в приглашении Легендо говорилось, что пускать на Караваль через главные ворота будут только до полуночи.

Ветер, пританцовывая, обнимал руки Скарлетт, обхватывал своими холодными белыми пальцами ее не прикрытые рукавами запястья.

– Хулиан! – с надеждой позвала она.

Но недавнего спутника и след простыл. Скарлетт осталась в полном одиночестве. Не уверенная, началась ли игра, она уже чувствовала, что проигрывает.

На мгновение потеряв дым из виду, она запаниковала, но вскоре увидела его снова. Над словно сошедшими со страниц книги сказок магазинчиками с темными витринами в небо поднимались кольца сладковатого дыма. Исходили они из массивной кирпичной трубы одного из самых огромных домов, какие Скарлетт когда-либо доводилось видеть: четырехэтажного, с изящными башенками и балконами, а также подвесными цветочными ящиками, в которых буйно росли красивые ярко-белые иберийки, пурпурные маки и оранжевые львиные зевы. Удивительно, что снова начавший падать снежок не причинял растениям никакого вреда.

Спеша к дому, Скарлетт похолодела, заслышав чьи-то приближающиеся шаги и приглушенный снежной круговертью тихий низкий смешок.

– Значит, ты все же не приняла предложение Дедушки Часовщика, а?

Скарлетт так и подпрыгнула от неожиданности.

– Нечего так пугаться, Малинка, это всего лишь я, – объявил Хулиан, выходя из тени ближайшей постройки в тот самый момент, как диск солнца окончательно скрылся за горизонтом.

– Почему ты до сих пор не вошел внутрь?

Скарлетт указала на дом с башенками, испытывая одновременно и облегчение оттого, что больше не одна, и нервозность из-за нового появления Хулиана. Несколькими минутами ранее он стремглав вылетел из часовой лавки, а теперь вразвалочку шагает ей навстречу, будто в его распоряжении все время мира!

– Поверишь, если я скажу, что ждал тебя? – спросил он теплым дружеским тоном.

Скарлетт сомневалась, чтобы Хулиан просто стоял на месте, надеясь снова ее увидеть, особенно учитывая то, как они расстались. Он явно что-то от нее скрывает! Или, быть может, не сумев проскользнуть в открывшуюся в часовой лавке волшебную дверь и добраться до Теллы, она сама сделалась излишне подозрительной? Скарлетт внушала себе, что скоро воссоединится с сестрой, но при этом не могла отделаться от страха, что не сумеет найти ее на Каравале.

Вблизи особняк оказался еще больше, чем издали, а его деревянные балки, словно продолжая расти, тянулись в небо. Чтобы охватить взглядом строение целиком, Скарлетт пришлось запрокинуть голову. Дом окружала чугунная ограда почти в двадцать метров высотой, украшенная фигурами, в чьих очертаниях вульгарность переплеталась с невинностью. Казалось, они двигаются и даже разыгрывают представление: нахальные парни гонятся за шаловливыми девушками, ведьмы едут верхом на тиграх, а императоры – на слонах, крылатые кони тянут колесницу. В середине развевалось великолепное алое знамя, на котором серебряной нитью была вышита эмблема Караваля.

Будь Донателла рядом, они бы вместе посмеялись над увиденным, как могут только сестры. Телла притворилась бы, что нисколечко не впечатлена, хотя в душе ликовала. С Хулианом все было иначе. Этот странный моряк не выглядел ни безразличным, ни восторженным.

После того как он спас ее сегодня, Скарлетт вынуждена была признать, что он вовсе не такой негодяй, каким казался. Но и в то, что он простой моряк, ей тоже уже не верилось. Сейчас он с подозрением разглядывал ворота, распрямив спину и напрягши плечи. На судне Хулиан вел себя с ленивой расслабленностью, которую теперь как рукой сняло. Он напоминал змею, свернувшуюся тугими кольцами в ожидании броска.

– Полагаю, нам следует пройти дальше и поискать другие ворота, – предложил он.

– Разве ты не видишь флаг? – удивилась Скарлетт. – Нам определенно нужно входить здесь.

– Нет, думаю, вход будет дальше. Доверься мне.

Хулиану она, конечно, не доверяла, однако после допущенной в часовой лавке оплошности не могла положиться и на себя тоже. К тому же ей не хотелось снова остаться одной. Пройдя вперед ярдов двадцать, они обнаружили еще одно знамя.

– Это место ничем не отличается от того, из которого мы только что ушли… – начала было Скарлетт, но тут ее перебили.

– Добро пожаловать! – воскликнула темнокожая девушка, выехавшая им навстречу на одноколесном велосипеде. – Вы как раз вовремя.

Девушка умолкла, и висящие на пиках ограды фонарики стали один за другим вспыхивать золотисто-синими искрящимися огнями. *«Мечты видятся детям именно в таком цвете»,* – отметила про себя Скарлетт.

– Всякий раз любуюсь, когда это происходит, – захлопав в ладоши, пояснила девушка на одноколесном велосипеде. – А теперь, прежде чем впустить вас, гости дорогие, внутрь, я хотела бы взглянуть на ваши пригласительные билеты.

Билеты! Скарлетт совершенно о них забыла.

– Ох!

– Не беспокойся, любимая, они у меня.

Хулиан вдруг обнял Скарлетт и крепко прижал к себе. Ей с трудом верилось, что он назвал ее *любимой*.

– Подыграй мне, пожалуйста, – прошептал он ей на ухо и достал из кармана две полоски бумаги, несколько выцветшие и помятые после купания в океане.

Скарлетт от комментариев воздержалась. На одном из билетиков появилось ее имя, а второй девушке на одноколесном велосипеде пришлось поднять вверх, чтобы получше разглядеть в свете фонаря.

– Как странно. Первый раз вижу приглашение без имени.

– Что-то не так? – уточнила Скарлетт, тут же начав беспокоиться.

Привратница посмотрела на Хулиана, и ее бодрый настрой разом поугас. Скарлетт совсем было собралась объяснить, как получила билеты, но моряк опередил ее, сильнее сжимая рукой ей плечо, как будто предупреждая.

– Нас пригласил сам магистр Караваля, Легендо. Мы скоро поженимся. Он подарил билеты моей невесте, Скарлетт.

– О! – Девушка снова захлопала в ладоши. – Мне говорили о вас двоих! Вы особые гости магистра! – Внимательнее приглядевшись к Скарлетт, она добавила: – Прошу прощения! Мне следовало узнать ваше имя, но в такой суматохе и свое-то порой забываешь. – И она рассмеялась собственной шутке.

Скарлетт пыталась усмехнуться в ответ, но думать могла только об обнимающей ее руке и о том, с какой легкостью в устах Хулиана прозвучало слово *«невеста»*.

– Смотрите, не потеряйте приглашения, – сказала привратница и, вернув билеты Хулиану, одарила его пристальным взглядом, будто хотела что-то добавить, но передумала. Потупившись, она опустила руку в карман своего лоскутного жилета и извлекла оттуда черный свиток. – Прежде чем впустить вас, я должна огласить приветственную речь, – продолжила она и стала крутить педали энергичнее, взметывая колесом молочные хлопья снега. – Когда войдете, вам зачитают ее еще раз. Таково распоряжение магистра Легендо. Прокашлявшись, девушка еще увеличила скорость и стала декламировать во все горло: – «Добро пожаловать на Караваль! Вас ожидает самое грандиозное представление на суше и на море! Здесь вы увидите столько чудес, сколько многим и за целую жизнь не испытать. Вы сможете пить волшебство кубками и покупать мечты бутылками. Проходя через ворота, не забывайте, что вступаете в игру. Попав в наш мир, вы будете пугаться или восхищаться, но не позволяйте себя обманывать. Мы попытаемся убедить вас в подлинности происходящего, хотя на самом деле это лишь сотканный из фантазий спектакль. Мы хотим увлечь вас, однако будьте осторожны, не уноситесь слишком далеко. Ожившие сны очаровательны, но могут обернуться кошмаром для тех, кто не сумеет проснуться».

Девушка замолчала. Она продолжала все яростнее накручивать педали, так что спицы колеса слились воедино перед глазами Скарлетт. Наконец кованые ворота открылись.

– Если хотите принять участие в игре, нужно пойти этой дорогой. – Привратница указала на извилистую тропу слева от себя, вдоль которой вдруг вспыхнули и заискрились лужицы расплавленного серебристого воска. – Ну а если вам достаточно побыть зрителями… – Она кивнула вправо, и внезапный порыв ветра качнул бумажные фонарики, заливающие тыквенно-оранжевым светом другую отлогую тропинку.

Нагнувшись к Скарлетт, Хулиан прошептал:

– Только не говори, что намерена просто смотреть.

– Разумеется, нет, – возмутилась она и все же замешкалась, прежде чем шагнуть влево.

Окинув задумчивым взором мерцающие во мраке ночи свечи, которыми был выложен путь к началу игры, и таящиеся за темными деревьями и цветущими кустарниками тени, она поспешила напомнить себе, что *намерена пробыть здесь не более одного дня.*

Ночь накануне Караваля

9

Когда Скарлетт сделала первый шаг на пути к Каравалю, небо было черным, а луна, вероятно, отправилась с визитом в другую часть земного шара. Лишь горстка мятежных звезд продолжала упрямо держаться своих постов, наблюдая за тем, как девушка и юноша проходят между коваными железными створками ворот и оказываются в мире, который для многих существует лишь в воображении.

Хотя все вокруг внезапно погрузилось во тьму, сам особняк был ярко освещен. Окошки сияли мягким маслянистым светом, отчего подвешенные под ними цветочницы казались наполненными звездной пылью. Цитрусовый аромат здесь не ощущался, а воздух был густым и сладким, как сироп, – гораздо приторнее, чем на Трисде, – однако во рту у Скарлетт стояла горечь.

Ее тревожило, что Хулиан по-прежнему обнимал ее за плечи тяжелой рукой, – и то, с какой легкостью солгал. Тогда, у ворот, она слишком нервничала, чтобы возразить ему, и слишком отчаянно хотела оказаться внутри и приступить, наконец, к поискам сестры. Но теперь ее мучил вопрос, не совершила ли она новую ошибку?

– Что за спектакль ты устроил? – наконец спросила она, отстраняясь от Хулиана. Они уже прошли мимо девушки на одноколесном велосипеде, но еще не приблизились к огромным дверям особняка, отбрасывающего во тьму манящие отсветы. Скарлетт остановилась у фонтана, журчание воды в котором могло бы заглушить их с Хулианом разговор, случись кому-то проходить мимо. – Почему просто не сказал правду?

– Правду? – Хулиан издал низкий, мало похожий на смешок звук. – Уверен, что правда не понравилась бы привратнице.

– Ведь у тебя был билет! – возразила Скарлетт, чувствуя себя неловко, как человек, не понявший сути шутки.

– Ты, похоже, считаешь, что раз эта девушка вела себя приветливо, то, в конце концов, все равно бы меня пропустила. – Хулиан выразительно посмотрел на Скарлетт и подошел к ней ближе. – Но не стоит забывать, о чем я предупреждал тебя в часовой лавке: большинство людей здесь вовсе не те, кем кажутся. Вот и привратница разыграла представление, призванное усыпить твою бдительность. В приветственной речи говорилось, что нам нельзя слишком сильно увлекаться, но на самом деле именно в этом и заключается смысл игры. Легендо нравится… играть. – Последнее слово Хулиан произнес с запинкой, как если бы изначально хотел сказать что-то другое, но в последний момент передумал. – Каждого гостя приглашают по определенной причине, – продолжил он. – Поэтому, если ты все еще ломаешь голову над тем, отчего я солгал, поясню: твое приглашение предназначалось не для простого моряка.

«В этом он прав, – подумала Скарлетт. – *Оно было для графа».*

В ее груди поднялась паника цвета киновари, когда она вспомнила, что в своем письме Легендо выразился совершенно конкретно. Третий билет предназначался для ее жениха, а не для необузданного паренька, стоящего сейчас рядом с ней и развязывающего шейный платок. Скарлетт и без того многим рисковала, решив на день задержаться на острове и вступить в игру. Ну а притворяясь нареченной Хулиана, она будто по собственной воле напрашивалась на неприятности. Мало ли, что им придется делать во время совместного участия в игре?!

Хоть Хулиан и спас ее, когда она тонула, лгать ради него все равно не следовало: просто так ей это с рук не сойдет – вся ее жизнь служила тому примером.

– Нужно вернуться и рассказать правду, – объявила Скарлетт. – Ничего хорошего из обмана не выйдет. Если до моего отца или жениха дойдут слухи о том, что я вела себя так, будто мы с тобой…

В мгновение ока Скарлетт оказалась прижатой к фонтану. Хулиан выставил с обеих сторон от нее свои руки, которые по контрасту с ее собственными казались просто огромными.

– Расслабься, Малинка! – Хоть голос его и звучал необычайно мягко, последовать его совету у Скарлетт не получилось. С каждым последующим словом он все неотвратимее надвигался на нее, пока, наконец, целиком не заслонил собой освещенный особняк, заставив смотреть себе прямо в глаза. – Ни твой родитель, ни драгоценный граф ничего не узнают. Едва мы войдем в дом, как окунемся в игру, и все прочее перестанет иметь значение. Здесь всем безразлично, кто есть кто за пределами острова.

– Тебе-то откуда все это известно? – недоверчиво спросила Скарлетт.

Хулиан улыбнулся ей коварной улыбкой.

– Потому что я уже участвовал в игре, – ответил он, отталкиваясь от фонтана и отходя в сторону.

В поле зрения Скарлетт снова появились яркие огни дома с башенками, и она зябко передернула плечами. Неудивительно, что он казался таким сведущим. Впервые встретив Хулиана на Трисде, Скарлетт сразу почувствовала, что ему нельзя доверять, но, судя по всему, скрывал он куда больше, чем она могла заподозрить вначале.

– Вот, значит, зачем ты помог нам с сестрой попасть на остров Грёз? Хотел поучаствовать в игре еще раз?

– Ты мне поверишь, если я отвечу, что поступил так, чтобы спасти тебя от отца?

Она отрицательно покачала головой. Пожав плечами, Хулиан стянул с себя шейный платок и забросил его за спину Скарлетт, в фонтан, о чем свидетельствовал негромкий всплеск. Теперь ей стало ясно, почему он вел себя так уверенно и, высадившись на острове, ничему не удивлялся, а сразу целеустремленно взялся за дело.

– Ты так на меня смотришь, будто я совершил что-то ужасное, – заметил он.

Скарлетт понимала, что расстраиваться нет нужды, ведь они с Хулианом никто друг другу, но она терпеть не могла, когда ее обманывали, потому что успела наслушаться лжи на целую жизнь вперед.

– По какой причине ты решил вернуться на Караваль?

– Неужели для этого обязательно нужна причина? Каждому хочется посмотреть волшебное представление и даже выиграть приз, разве нет?

– Я тебе почему-то не верю.

Конечно, Скарлетт могла предположить, что Хулиана привлекла обещанная в этом году награда – *исполнение желания* – но в глубине души подозревала, что дело в чем-то другом. Желания загадывают люди, которые верят в чудеса, а Хулиан, казалось, был из тех, кто привык доверять только собственным глазам.

Правила игры менялись год от года, но, если верить слухам, кое-что оставалось неизменным. Обязательно присутствовало некое подобие охоты за сокровищем, в качестве которого выступал магический предмет вроде короны, скипетра, перстня, скрижалей или медальона. Победителей предыдущих лет непременно приглашали посетить Караваль снова, взяв с собой гостя. Хотя едва ли это могло заинтересовать Хулиана, ведь он и сам отлично умеет находить людей, с чьей помощью можно проникнуть в игру. Даже Скарлетт не вполне верила в исполнение желаний, а уж вообразить, чтобы чем-то подобным прельстился Хулиан… Нет, его влекли вовсе не мечты об исполнении желаний и не стремление заполучить магические и фантастические артефакты.

– Поведай мне истинную причину, по которой ты сюда приехал, – попросила она.

– Поверь мне, тебе лучше ее не знать, – отозвался Хулиан, напуская на себя участливый вид. – Не то испортишь себе все удовольствие.

– Ты так говоришь, потому что просто не желаешь открыть мне правду.

– Нет, Малинка, на этот раз именно правду я и говорю.

Он смотрел на Скарлетт, не мигая, – такой взгляд требует полной сосредоточенности – и она содрогнулась, сообразив, что тогда, на судне, он лишь притворялся беззаботным моряком. При желании он и дальше мог бы играть роль парня, случайно встретившего двух сестер и вступившего вместе с ними в игру. Однако по какой-то причине Хулиан решил намекнуть, что он не так прост – хоть и предпочел не показывать этого прямо.

– Не стану я с тобой спорить, Малинка. – Хулиан потянулся, разминая плечи и спину, а затем выпрямился, будто приняв какое-то решение, и произнес: – Поверь, у меня имеются веские причины стремиться попасть в этот дом. Если решишь вернуться и выдать меня, я тебя останавливать не стану и зла не затаю. А ведь я, как-никак, спас тебе сегодня жизнь.

– Ты поступил так только затем, чтобы использовать меня в качестве входного билета на игру.

Лицо Хулиана помрачнело.

– Неужели ты в самом деле так думаешь? – обиженно протянул он.

Скарлетт понимала, что он лишь пытается манипулировать ею: обладая немалым опытом, она с легкостью распознала характерные признаки. К несчастью, сама много лет выступавшая пешкой в руках отца – или, наоборот, *именно поэтому*, – она так и не научилась защищаться. Вот и сейчас она не могла не признать, что Хулиан *действительно* спас ей жизнь, как бы сильно ей теперь ни хотелось от него отделаться.

– А как же моя сестра? Эта ложь может испортить ваши с ней отношения.

– Я не стал бы называть отношениями то, что между нами было. – Хулиан стряхнул с плеча соринку, показывая тем самым, что Телла ему безразлична. – Твоя сестра использовала меня не в меньшей степени, чем я ее.

– И теперь ты точно так же поступаешь со мной, – заметила Скарлетт.

– Не стоит так из-за этого расстраиваться. Я ведь уже принимал участие в Каравале и могу помочь тебе. К тому же – как знать? – вдруг тебе даже понравится, – словно заигрывая с ней, ответил Хулиан, снова надевший маску беспечного моряка. – Многие девушки были бы счастливы оказаться на твоем месте, – добавил он, проведя холодным пальцем по щеке Скарлетт.

– Не делай этого! – Она отпрянула от него, ощущая зудящий след на коже – там, где он до нее дотронулся. – Если мы вступим в игру, не смей больше позволять себе *подобного* – за исключением случаев крайней необходимости. У меня по-прежнему есть настоящий жених. Мы можем всем говорить, будто помолвлены, но не должны вести себя как влюбленные, когда на нас никто не смотрит.

Хулиан криво усмехнулся уголком рта.

– Означает ли это, что ты все же не станешь меня выдавать?

Подобного напарника Скарлетт выбрала бы себе в последнюю очередь, но вместе с тем боялась задержаться на острове дольше одного дня. А Хулиан уже играл, и ей могла понадобиться его помощь, чтобы поскорее отыскать сестру. Тут к воротам подошла следующая группа гостей. Издалека до Скарлетт донесся приглушенный гул голосов и эхо хлопков девушки на одноколесном велосипеде.

В особняке заиграла скрипка: ее мелодия, обволакивающая, как самый темный шоколад, полилась из окон, нашептывая что-то Скарлетт. Хулиан улыбнулся соблазнительной улыбкой, не сулящей ничего, кроме бесстыдных обещаний. Он словно заманивал ее в такие места, о каких благонравные молодые дамы и не помышляют, не говоря уж о том, чтобы их посещать.

Скарлетт не хотела представлять, на какие безрассудства подбил Хулиан других девушек своей улыбкой.

– Перестань так на меня смотреть, – возмутилась Скарлетт. – Со мной этот трюк у тебя не пройдет.

– Именно этим ты меня и забавляешь.

10

Скарлетт любила свою бабушку, хоть и считала ее одной из тех женщин, которые не способны до конца примириться с собственной старостью. В последние годы жизни пожилая дама только и делала, что похвалялась своей блистательною юностью. Как хороша собой она тогда была! И как очаровывала мужчин! Как однажды всем на зависть явилась на Караваль в пурпурном платье!

Это платье бабушка показывала старшей внучке при любом удобном случае, и маленькой Скарлетт оно действительно казалось самым изысканным нарядом на свете – тогда она еще не успела возненавидеть фиолетовый цвет и все его оттенки.

– Можно мне его надеть? – спросила она однажды.

– Разумеется, нет! Оно не для детских забав.

Вскоре после этого бабушка спрятала роскошный туалет, но он навсегда отпечатался в памяти Скарлетт. Вспомнила она о нем и теперь, когда перед ней распахнулись двери особняка с башенками. А также задалась вопросом, действительно ли бабушка была на Каравале? Едва ли в таком величественном месте кто-то обратил бы внимание на ее пурпурное платье.

Устилающий ступени мягкий красный ковер приглушал шаги, а золотистые огоньки щедро дарили рукам теплые поцелуи. Еще мгновение назад мир был скован холодом, теперь же повсюду разливалось тепло: лопаясь пузырьками на языке, оно сахарным потоком таяло внутри, вызывая легкое покалывание во всем теле: от пальцев рук до пальцев ног.

– Это… – Она не сумела выразить своих чувств. Слова вроде *«прекрасно»* или *«восхитительно»* представлялись слишком обыденными для описания столь необыкновенного зрелища.

Внутри особняк с башенками оказался совсем не таким, каким виделся снаружи. Войдя в двустворчатые двери, Скарлетт и Хулиан попали не в вестибюль, а на балкон, который, однако, размером мог бы посоперничать с небольшим домом. Сверху его словно пологом накрывали многочисленные хрустальные люстры, полы были застелены плюшевыми ковриками цвета клюквы, а завешенные тяжелым красным бархатом арки и перила искрились позолотой.

Стоило Скарлетт и Хулиану войти, как портьеры с шуршанием сомкнулись, но девушка успела заметить краем глаза скрывающееся за ними великолепие. Хулиан, напротив, казался совершенно равнодушным и лишь посмеивался над своей спутницей, с трудом подбирающей слова.

– Я все забываю, что ты никогда прежде не покидала свой крошечный родной островок!

– Караваль любой бы счел невероятным! – запротестовала Скарлетт. – Ты только посмотри на остальные балконы – да ведь их тут дюжины! А внизу и вовсе простирается целое королевство в миниатюре.

– Неужто ты ожидала увидеть обыкновенный дом?

– Нет, конечно, нет. Этот особняк сразу показался мне куда внушительнее по размерам.

И все же не настолько большим, чтобы вместить тот мир, который бурлил сейчас под балконом. Не в силах сдерживать радостное возбуждение, Скарлетт шагнула к парапету и в нерешительности остановилась перед тяжелыми задернутыми портьерами из красного бархата. Хулиан протянул руку и сдвинул одну из них в сторону.

– Мне кажется, нам нельзя их трогать, – заметила Скарлетт.

– А, может, они как раз для того и закрылись при нашем появлении, чтобы мы сами их открыли. – С этими словами Хулиан шире раздвинул занавес.

Скарлетт не сомневалась, что, поступая так, они нарушают правила игры, но тем не менее не могла не подойти и не подивиться на невероятный город, раскинувшийся по меньшей мере десятью ярусами ниже. Его мощеные улочки напоминали те, которыми Скарлетт с Хулианом

пришли к особняку, только эти отнюдь не казались заброшенными. Напротив, они напоминали ожившую иллюстрацию из книги сказок. Скарлетт рассматривала яркие островерхие крыши, поросшие мхом башенки, пряничные домики, сверкающие золотом мосты, выложенные голубым кирпичом улицы и мягко журчащие фонтаны. Висящие повсюду фонари со свечками внутри заливали окружающее пространство странным светом, так что не понятно было, день сейчас или ночь.

Размерами городок едва ли превосходил островное поселение, откуда была родом Скарлетт, но при этом ухитрялся казаться гораздо больше и значительнее – так же, как слово приобретает особый смысл, если отметить его восклицательным знаком. На улицах кипела жизнь, и Скарлетт готова была поклясться, будто они сами находятся в движении.

– Ума не приложу, как внутри особняка уместился целый мир.

– Это лишь искусно выстроенный театр, – сухо отозвался Хулиан, и, подняв голову, окинул взглядом другие балконы, с которых открывался тот же самый занимательный вид.

Прежде Скарлетт не обратила внимания, но теперь поняла, что Хулиан прав: все балконы образуют круг – огромный круг. От осознания этого она поникла духом. Временами ей целый день приходилось разыскивать Теллу по всему отцовскому имению. Страшно подумать, как она станет искать ее здесь.

– Гляди-гляди, пока можно, – сказал Хулиан. – Присмотрись отсюда, сверху, потом проще будет внизу ориентироваться, ведь, спустившись, сюда уже не вернешься, если только…

– Кхе-кхе – раздалось чье-то покашливание в глубине балкона. – Будьте добры отойти от парапета и задернуть занавеси.

Скарлетт поспешно обернулась, устрашившись, что их выгонят за нарушение правил, но Хулиан не спешил отпускать портьеру.

– Ну и кто вы такой?

Он смерил молодого человека таким взглядом, словно сам намеревался предъявить ему какие-то обвинения.

– Можете называть меня Рупертом, – ответил тот, глядя на Хулиана с равным пренебрежением, будто догадываясь, что ему здесь вовсе не место.

Руперт церемонно поправил шляпу-цилиндр. Ростом он не вышел и без своего головного убора был бы даже ниже Скарлетт. В безукоризненно отглаженных серых брюках и фраке он на первый взгляд казался истинным джентльменом, но, стоило подойти поближе, как сразу становилось ясно, что он всего лишь мальчишка, нарядившийся мужчиной: щеки его еще сохраняли детскую пухлость, а руки и ноги продолжали расти и потому выглядели в щегольском наряде нелепо. Скарлетт задумалась, не служит ли этот костюм данью восхищения Легендо, известному своими цилиндрами и изысканными одеждами.

– Я здесь для того, чтобы напомнить вам правила и ответить на вопросы, прежде чем вы официально вступите в игру. – И без дальнейших предисловий Руперт слово в слово повторил речь, произнесенную прежде девушкой-привратницей на одноколесном велосипеде.

Скарлетт же хотелось только одного – чтобы ее поскорее допустили в игру. Зная Теллу, она не сомневалась, что та уже успела впутаться в неприятности. Хулиан подтолкнул ее локтем в ребра и прошептал:

– Слушай внимательно!

– Мы же уже это слышали.

– Ты уверена? – также шепотом спросил Хулиан.

– Вступив в игру, нужно будет разгадать тайну, – продолжал между тем Руперт. – По пути ищите спрятанные подсказки. Мы хотим увлечь вас, однако будьте осторожны, не уноситесь слишком далеко, – повторил он призыв из первоначального приветствия.

– Что будет, если кто-то в самом деле чересчур увлечется? – не преминула поинтересоваться Скарлетт.

– Обычно эти несчастные умирают или лишаются рассудка, – ровным голосом отозвался Руперт, и Скарлетт засомневалась, не ослышалась ли.

С той же невозмутимостью он снял цилиндр, достал из него два бежевых свитка пергамента и протянул их Скарлетт с Хулианом якобы для прочтения, однако буквы оказались невероятно мелкими.

– От вас требуется оставить по капле крови внизу каждого свитка.

– Для чего? – спросила Скарлетт.

– Тем самым вы подтвердите, что дважды прослушали правила и, следовательно магистр Легендо, хозяин поместья Караваль, не будет нести ответственность за случаи увечья, умопомешательства или смерти.

– Но ведь вы же сами уверяли, что все, происходящее здесь, – лишь иллюзия! – запротестовала Скарлетт.

– Временами люди оказываются не в состоянии отличить иллюзию от реальности, что приводит к разного рода… происшествиям, – пояснил Руперт. – Правда, они довольно редки. Если у вас имеются опасения, можете отказаться от игры и побыть простыми зрителями, – скучающим голосом добавил он, заставив Скарлетт почувствовать себя паникершей, переживающей из-за пустяков.

Будь с ними Телла, непременно сказала бы что-то вроде: *«Ты же на острове всего на сутки. Если будешь сидеть и смотреть, потом непременно пожалеешь!»*

Все же необходимость подписывать соглашение кровью совершенно Скарлетт не нравилась. Но тревожило ее и другое соображение. Если Телла будет играть, а сама она нет, то, возможно, не сумеет отыскать ее, чтобы на следующий день вместе покинуть остров. А если Скарлетт не вернется домой вовремя, то и ее свадьба с графом не состоится.

Даже после объяснений Руперта она не вполне представляла себе сути игры. В детстве она старалась почерпнуть из рассказов бабушки как можно больше сведений о Каравале, но та всегда выражалась уклончиво, вместо истинных фактов делясь романтическими впечатлениями, которые теперь, в свете увиденного, казались Скарлетт довольно странными. Похоже, пожилая дама описывала прошлое не таким, каким оно было на самом деле, а каким его нарисовало собственное воображение.

Скарлетт посмотрела на Хулиана: тот без малейших колебаний позволил Руперту уколоть себе палец каким-то шипом и оставил кровавый отпечаток на одном из соглашений. Она вспомнила, что несколько лет назад труппа магистра Легендо на какое-то время перестала гастролировать, потому что во время Караваля погибла женщина. Подробности ей были неизвестны, и до сих пор она полагала, будто несчастный случай не имел отношения к игре, однако сейчас задумалась, что, возможно, та несчастная чересчур увлеклась иллюзией Караваля.

С другой стороны, сама Скарлетт долгие годы играла в извращенные игры своего отца и научилась распознавать, когда ее обманывают. Едва ли она могла бы настолько перепутать вымысел с действительностью, чтобы лишиться жизни или рассудка. Все же, протягивая руку, она испытывала нервозность, потому что точно знала, что любая игра имеет свою цену.

Руперт сделал прокол так быстро, что Скарлетт почти ничего не почувствовала, однако, когда ее безымянный палец прижался к хрупкому пергаменту, ей показалось, что все огни на миг погасли. В следующий миг она отняла руку, и окружающий мир засиял еще более яркими, чем прежде, красками. Ей даже показалось, что она ощущает, каковы красные портьеры на вкус: шоколадный бисквит, пропитанный вином.

Скарлетт лишь раз в жизни довелось попробовать глоток вина, но подозревала, что даже целая бутылка не могла бы ввести ее в такое радужное возбуждение. Невзирая на страхи, она испытывала непривычное чувство душевного подъема.

– Официально игра начнется завтра на закате и окончится девятнадцатого числа, также с заходом солнца, следовательно, в распоряжении каждого участника будет пять ночей, – про-

должал свои объяснения Руперт. – Каждый из вас получит по одной подсказке, чтобы начать путешествие, остальные же придется искать самостоятельно. Мой вам совет: действуйте быстро – приз всего один, а заполучить его хотят многие. – Он шагнул ближе и протянул Скарлетт и Хулиану по карточке, на которой значилось: ***«La Serpiente de Cristal»*** – то есть по-испански «Стеклянная змея».

– У меня такая же надпись, как у тебя, – заметил Хулиан.

– Это и есть наша первая подсказка? – удивилась Скарлетт.

– Нет, – ответил Руперт. – Это постоялый двор, где для вас приготовлены комнаты. В них-то вы и отыщете подсказку – но только если успеете заселиться до рассвета.

– А что случится на рассвете? – тут же поинтересовалась Скарлетт.

Словно не расслышав ее вопроса, юный джентльмен потянул за шнурок, висящий у края балкона, и раздвинул занавеси. В небо взвились серые птицы. Красочные улицы внизу сделались многолюднее, а балконы, наоборот, опустели, поскольку все игроки одновременно устремились к выходу, спеша спуститься в город.

Скарлетт вновь испытала прилив серебристого восторга. Она на Каравале, о котором грезила куда чаще, чем о собственной свадьбе. Понимая, что может остаться всего один день, она уже воображала, как тяжело будет уезжать.

Руперт дотронулся до полей своего цилиндра.

– Помните: нельзя позволять глазам или чувствам вас обманывать. – С этими словами он вскочил на парапет балкона и спрыгнул вниз.

– Нет! – вскричала Скарлетт. Побелев, как полотно, она беспомощно наблюдала, как он падает.

– Не волнуйся, – успокоил ее Хулиан. – Смотри! – указал он на Руперта, фалды фрака которого превратились в крылья. – С ним все в порядке. Просто решил эффектно обставить свой уход.

Похожий на серую заплатку, тот продолжал скользить вниз, удаляясь, и, наконец, стал казаться парящей в воздухе крупной птицей. Очевидно, зрение уже начало подводить Скарлетт.

– Идем! – Хулиан решительно зашагал прочь с балкона, явно ожидая, что Скарлетт последует за ним. – Если бы ты внимательно слушала, то усвоила бы, что на рассвете все закроется. У этой игры комендантский час наоборот: утром двери запираются, а отпираются снова только после захода солнца. Так что в нашем распоряжении совсем немного времени на то, чтобы найти предназначенные нам комнаты.

Хулиан остановился у откинутого потайного люка, через который, очевидно, Руперт и вошел незамеченным. Ход этот вел на винтовую лестницу из черного мрамора, спиралью уходящую вниз, точно панцирь моллюска, и освещаемую хрустальными подсвечниками с оплывающими восковыми свечами.

– Малинка!.. – предостерегающе произнес Хулиан, останавливая Скарлетт на пороге.

На мгновение на его лице промелькнуло страдальческое выражение – как тогда, когда он ушел, оставив ее в часовой лавке.

– Что такое? – отозвалась Скарлетт.

– Нам нужно поторопиться.

Хулиан пропустил Скарлетт вперед, хотя уже через несколько пролетов она пожалела, что не он идет впереди – или что он и вовсе не оставил ее одну (похоже, именно так он и намеревался поступить, когда замешкался наверху). Теперь каждый сделанный ею шаг казался ему чересчур медленным.

– У нас вовсе не целая ночь впереди, – твердил он. – Если не успеем добраться в «Змею» до рассвета…

– … то останемся на холодной улице до следующей ночи. Да, знаю. Я шагаю так быстро, как только могу.

Если прежде Скарлетт казалось, что балкон находится на высоте десяти этажей, то теперь – что целой сотни. Она уже отчаялась когда-либо отыскать Теллу. Вероятно, ей было бы легче, если бы платье не льнуло так сильно к ногам. Мысленно она снова приказала ему принять более удобную форму, но оно упорно сохраняло прежнюю. Когда спуск наконец завершился, у нее тряслись ноги, а бедра покрылись тонкой пленкой пота.

Воздух снаружи был морозным и немного влажным, но снега под ногами, к счастью, не оказалось. Глядя с высоты балкона, Скарлетт и не сообразила, что половина улиц на самом деле – каналы, с поверхности которых испаряется влага. По ним шустро плавали полосатые лодки, яркие, точно экзотические птицы и изогнутые в форме полумесяца. У руля юноши и девушки – по виду, ровесники Скарлетт и Хулиана.

А вот Донателлы нигде не видно.

Хулиан тут же остановил лодку: аквамариновую с алыми полосками под управлением девушки в одежде той же расцветки. Даже губы у нее были накрашены красной помадой, и Скарлетт не могла не отметить, в какой широкой улыбке они растянулись, когда Хулиан подошел ближе.

– Чем могу быть полезна, красавчики? – спросила она.

– Красавица здесь одна, и это ты, – отозвался Хулиан, проводя рукой по волосам и одаривая девушку улыбкой, сотканной из лжи и греховных деяний. – Сумеешь до наступления рассвета доставить нас в «Стеклянную змею»?

– Доставлю, куда пожелаете, ежели *заплатите*, – ответила девушка с красными губами, особенно подчеркивая последнее слово и окончательно утверждая Скарлетт в мысли, впервые посетившей ее еще в часовой лавке: монеты в этой игре – валюта непопулярная.

Хулиан и глазом не моргнул.

– А нам сказали, что первая поездка за ночь будет бесплатная, – невозмутимо произнес он. – Моя невеста – особая гостья магистра Легендо.

– Вот как? – Девушка прищурила один глаз, будто с трудом веря сказанному, и вдруг жестом пригласила их на борт – к вящему удивлению Скарлетт. – Что ж, не стану разочаровывать особых гостей Легендо.

Хулиан молча запрыгнул в лодку и поманил Скарлетт. Их нынешнее судно на вид было попрочнее того плота, на котором они приплыли на остров, и удобнее тоже: на скамьях лежали пухлые подушечки. Тем не менее Скарлетт не могла заставить себя сойти с мощеной улицы.

– Не бойся, не потонем, – обнадеживающе произнес Хулиан.

– Я вовсе не о том беспокоюсь, а о своей сестре – что, если она бродит по городу в поисках нас?

– В таком случае, надеюсь, кто-нибудь напомнит ей о том, что солнце вот-вот взойдет.

– Неужели тебе в самом деле наплевать, что с ней станется?

– Будь мне наплевать, не ожидал бы, чтобы кто-нибудь обратил ее внимание на скорый восход солнца. – Нетерпеливым жестом Хулиан пригласил Скарлетт сесть, наконец, в лодку. – Тебе не о чем волноваться, *любимая*. Ее, скорее всего, поселили на том же постоялом дворе, что и нас.

– А если нет? – не унималась она.

– Даже в таком случае на лодке все равно будет куда больше шансов ее отыскать. Так нам удастся перемещаться быстрее, чем пешком.

– Он прав, – вмешалась девушка с красными губами. – Скоро рассветет. Даже если не сумеете сейчас отыскать сестру, в «Стеклянную змею» ножками точно дотопать не успеете. Лучше опишите мне, какова она из себя, и по пути я буду смотреть в оба.

Скарлетт хотела было поспорить. Нужно приложить все усилия, чтобы отыскать Теллу до наступления утра. В ее представлении, Караваль – это такое место, где потерявшийся человек вполне способен исчезнуть без следа.

Однако Хулиан и эта девушка правы: в лодке-полумесяце они будут передвигаться куда скорее. Скарлетт не имела представления, сколько времени минуло с тех пор, как закатилось странное островное светило, но в одном не сомневалась: время здесь и правда течет по-другому.

– Сестра ниже меня ростом, очень миловидная. У нее светлые вьющиеся волосы и округлое лицо.

Сама Скарлетт унаследовала темный цвет волос от матери, а Телле достались белокурые кудри отца.

– Светловолосую барышню будет нетрудно заметить, – отозвалась лодочница, которая, по наблюдениям Скарлетт, куда чаще глядела на привлекательное лицо Хулиана, чем по сторонам.

Да и от самого Хулиана помощи ждать не приходилось. Скользя в лодке по полуночно-синим водам канала, он в самом деле кого-то высматривал, но, к вящему сожалению Скарлетт, не ее младшую сестру.

– Ты можешь грести попроворнее? – воскликнул Хулиан, и на его шее нервно запульсировала жилка.

– А ты, как я погляжу, требовательный малый – и это при том, что проезд не оплатил. – Лодочница игриво подмигнула Хулиану, но суровое выражение его лица осталось неизменным.

– Что такое? – поинтересовалась Скарлетт.

– Время на исходе.

Тут несколько установленных у кромки воды фонарей погасло, и на Хулиана упала тень. Чем дальше плыла лодка, тем больше гасло огней, и поднимающийся дымок сизой дымкой окутывал водную гладь и оставшихся на улицах редких прохожих.

– Вот, значит, как вы время определяете? По выключающимся с приближением рассвета фонарям?

Скарлетт беспокойно огляделась по сторонам, а Хулиан угрюмо кивнул. Между тем угас огонек очередной свечи.

Покачнувшись, лодка наконец остановилась у длинного шаткого пирса, в конце которого виднелась выкрашенная ярко-зеленой краской дверь, пристальным оком взирающая на Скарлетт. Стены постройки, все еще находящейся во власти ночи, опутал плющ, а два догорающих светильника освещали вывеску над входом – белая змея обвивается вокруг виноградной грозди.

Хулиан, уже выпрыгнувший из лодки, схватил Скарлетт за руку и потянул на пирс.

– Скорее же!

Свеча в одном из светильников над входом погасла, и, кажется, сама дверь тоже посветлела. Хулиан поспешно распахнул ее, ставшую почти неразличимой, и втолкнул Скарлетт внутрь. Споткнувшись, она переступила порог, а вот ее спутник за ней последовать не успел: дверь захлопнулась. Дерево ударилось о дерево, и тяжелый засов скользнув в паз, оставив незадачливого игрока на улице.

11

– Нет! – Скарлетт попыталась снова открыть дверь, но пухлая женщина в ночном колпаке уже навешивала на засов тяжелый замок. – Вы не можете так поступить! Мой… – Она осеклась, испугавшись, что, произнеси она ложь вслух, и та станет реальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.